

Корнелия Функе Король воров

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143519

Король воров: Роман-фэнтези: Махаон, Азбука-Амтикус; Москва; 2013

ISBN 978-5-389-02061-0

Аннотация

В детстве так хочется поскорее стать взрослым. Мечтает об этом и Сципио. Он называет себя Королем воров и опекает беспризорных детей. А однажды получает задание, которое приводит его на остров Тайн. Тут-то и сбывается его заветная мечта – он превращается во взрослого.

Правда, все это происходит в Венеции, и сам город с его каналами, гондолами и дворцами становится действующим лицом этого авантюрного романа. И чудится порой, а уж не присутствуем ли мы на знаменитом венецианском карнавале?

Содержание

Несимпатичные клиенты	5
Странная троица	9
Звездная обитель	14
Король воров	18
Барбаросса	22
Роковая случайность	26
Виктору не везет	31
Сципио дает ответ	32
Ночью все мы малыши	35
Послание	38
Виктор ждет	40
Встреча в исповедальне	42
Выведал!	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Корнелия Функе

Король воров

*Взрослые не знают, что это такое – быть ребенком.
Даже когда утверждают обратное.
Они ничего об этом не помнят.
Ты уж поверь.
Они все позабыли.
Забыли, каким огромным казался им тогда мир.
Как трудно было слезать со стула.
И каково это было – все время смотреть снизу вверх.
Позабыли.
Не помнят напрочь.
И ты позабудешь.
Взрослые, правда, любят поболтать о том, как это было прекрасно – быть ребенком.
Иногда они даже мечтают снова стать детьми.
Только вот о чем они мечтали, когда детьми были?
Ты-то знаешь?
По-моему, они мечтали наконец-то стать взрослыми.*

Несимпатичные клиенты

Когда Виктор впервые услышал о Проспере и Бо, в городе Луны стояла осень. Солнце отражалось в глади каналов, ласково покрывая древние стены матовой позолотой, но ветер с моря задувал ледяной стужей, словно желая напомнить людям: скоро зима. В продрогших переулках вдруг запахло снегом, а осеннее солнышко если и пригревало слегка, то только каменные крылья ангелов и драконов на крышах.

Дом, где Виктор жил, да и работал, стоял на канале, настолько вплотную у самой воды, что внизу волны плескались и хлюпали о стены. Иногда ночами Виктору снилось, будто дом, а с ним и весь город тонут в этих волнах. Будто море смыло дамбу – эту тоненькую нить, что связала Венецию с сушей, словно привязанный к берегу ящик с золотом, – и вот-вот поглотит все: мосты и дома, дворцы и храмы – все, что люди столь отчаянно и отважно понастроили прямо на воде, можно сказать, у стихии под самым носом.

Но пока что все это стояло, держалось на своих деревянных ногах-сваях, и Виктор, прильнув к окну, сквозь мутноватую пелену запыленного стекла разглядывал все это великолепие. Ни одно место на свете не бахвалится своей красотой столь бесстыдно, как город Луны. Под лучами солнца, норовя перещеголять друг друга лоском, сияли шпили и арки, башни и купола. Что-то насвистывая, Виктор повернулся к окну спиной и подошел к зеркалу. «В самый раз погодка, чтобы новые усы опробовать», – подумал он, ощущая своим мощным загривком ласковое тепло утреннего солнышка. Только вчера он приобрел это новое украшение: шикарные усы, черные, густые, пышные – любому моржу на зависть. Аккуратно приклеив их себе под нос, он даже на цыпочки привстал, чтобы вы глядеть внушительнее и выше, повернулся в одну сторону, потом в другую и настолько углубился в созерцание своего отражения, что шаги на лестнице услышал лишь тогда, когда они раздались уже под самой его дверью, где и замерли. Клиенты. Вот черт! Ну неужели как раз сейчас надо его отрывать?!

С тяжким вздохом он уселся за письменный стол. Под дверью перешептывались. «Наверно, табличку мою разглядывают», – с гордостью подумал Виктор. Табличка была черная, блестящая, и на ней золотыми буквами было выведено: *Виктор Гец, детектив. Расследования любой сложности*. Надпись он заказал на трех языках, ведь к нему нередко приходят и клиенты-иностранцы. И латунную львиную голову с тяжелым кольцом в пасти, чтобы в дверь стучать, он как раз сегодня утром на драил до блеска.

«Ну что они там?» – подумал он, раздраженно барабаня пальцами по подлокотнику кресла. И в нетерпении крикнул:

– Avanti!¹

Дверь отворилась, и в кабинет Виктора, который одновременно служил ему и гостиной, вошли двое – мужчина и женщина. Теперь они неприязненно озирались, разглядывая его кактусы, коллекцию усов и бород, стоячую вешалку с уймой шляп и беретов, кепок и даже париков, огромную карту города на стене и крылатого льва, что красовался на столешнице, прикидываясь пресс-папье.

– Вы говорите по-английски? – поинтересовалась женщина, хотя и ее итальянский звучал совсем неплохо.

– Разумеется, – ответил Виктор, указывая на стулья возле своего стола. – Это мой родной язык. Чем могу служить?

Посетители в нерешительности присели. Мужчина с хмурым видом скрестил руки на груди, женщина не сводила глаз с моржовых усов Виктора.

¹ Входите! (итал.)

– Ах, это. Да это же для маскировки, – пояснил он, сдирая усы. – В нашем деле без этого никак. Так чем могу служить? Что-нибудь украдено, похищено, утеряно?

Ни слова не говоря, женщина полезла в сумочку. Локоны у нее были пепельно-белые, носик остренький, а плотно сжатые губы явно не приучены улыбаться. Ее спутник был настоящий исполин, по меньшей мере на две головы выше Виктора. Правда, нос у него изрядно облупился на солнце, а маленькие глазки смотрели совершенно бесцветно. «Этот, наверно, шуток не понимает», – подумал Виктор, стараясь запечатлеть в памяти лица обоих визитеров. Телефонные номера он запоминал неважно, зато вот лица не забывал никогда.

– Скорее утеряно, – сообщила наконец женщина, придвигая ему через стол фотокарточку. По-английски она говорила явно лучше, чем по-итальянски.

С фотографии на Виктора глянули двое мальчишек: один совсем маленький, белобрысый, с улыбкой до ушей, второй постарше, серьезный, темноволосый. Старший обнял малыша за плечи, словно желая укрыть и защитить его от всех бед на свете.

– Дети? – Виктор удивленно поднял голову. – Чего и кого только мне не приходилось разыскивать... Забытые чемоданы, исчезнувших супругов и собак, сбежавших ящериц, но вы первые, кто приходит ко мне с такой пропажей, как дети. Господин и госпожа... – Он выжидательно глянул на обоих.

– Хартлиб, – проронила женщина. – Эстер и Макс Хартлиб.

– И это не наши дети, – добавил мужчина с нажимом.

Востроносая стрельнула в мужа сердитым взглядом.

– Проспер и Бонифаций – сыновья моей покойной сестры, – пояснила она. – Она растила их одна, без мужа. Просперу недавно исполнилось двенадцать, а Бо – тому всего пять.

– Проспер и Бонифаций, – пробормотал Виктор. – Какие необычные имена! Проспер, если не ошибаюсь, означает «счастливым»?

Эстер Хартлиб даже брови вскинула от неожиданности.

– В самом деле? Что ж, но я считаю, все равно имена странные, это еще мягко говоря. Сестра моя, знаете ли, питала склонность ко всему странному. И когда она три месяца назад скоропостижно скончалась, мы оба, я и мой муж, тотчас же подали документы на усыновление Бо, своих-то детей у нас, к сожалению, нету. Но усыновить еще и старшего брата мы никак не можем. Каждый разумный человек это поймет, однако Проспер почему-то страшно возмутился. Ну просто как с цепи сорвался! Кричал, будто мы хотим у него брата отнять! И это притом что у него ведь было бы право раз в месяц навещать Бо. – Лицо ее, и без того бледное, побледнело сейчас еще сильнее.

– А месяца два назад мальчишки сбежали, – продолжил вместо нее Макс Хартлиб. – Из дома гамбургского дедушки, к которому мы их пока что отправили. Проспер способен младшего на любую глупость подбить, и все указывает на то, что он именно сюда, в Венецию, малыша и притащил.

Виктор недоверчиво приподнял брови.

– Из Гамбурга в Венецию? Не далековат ли маршрут для двоих мальчуганов? А в здешнюю полицию вы уже обращались?

– Конечно! – Эстер Хартлиб чуть не задохнулась от возмущения. – Только не слишком-то они там себя утруждают. Ничего не нашли, хотя не думаю, что так уж это сложно – отыскать двоих бедняжек, которые совсем одни, словно сиротки...

– А мне, к сожалению, по служебным делам срочно нужно возвращаться домой, – перебил ее супруг. – Вот почему мы хотели бы, господин Гец, дальнейшие поиски мальчишек поручить вам. Портье в отеле нам вас порекомендовал.

– Очень мило с его стороны, – буркнул Виктор, теребя кончиками пальцев свои накладные усы. Брошенные на столе, возле телефона, они смахивали сейчас на дохлую зверушку. –

Но почему, собственно, вы так уверены, что они именно в Венецию подались? Не на гондолах же кататься...

— Это все их мать! — Эстер Хартлиб сжала губы и с тоской уставилась в запыленное окно. Там, топорща на ветру сизые перья, сидел на балконной решетке нахохлившийся голубь. — Понимаете, моя сестра постоянно им про этот город рассказывала. Что тут и львы крылатые, и церковь из чистого золота, что на крышах драконы и ангелы, а вдоль каналов бесчисленные лестницы взбегают вверх от самой воды, чтобы водяным, видите ли, по ночам удобнее было выходить прогуляться по суше. — Она неодобрительно покачала головой. — И всю эту чушь моя сестрица умудрялась рассказывать так, что даже я иногда почти готова была ей поверить. Венеция, Венеция, Венеция! Бо без конца этих крылатых львов рисовал, ну а Проспер, тот вообще только матери в рот и глядел, каждое слово ловил. Вот, наверно, и решил, что если уж они с Бо сюда доберутся, то прямо в сказку попадут... Бог ты мой. — Она сморщила носик, бросив презрительный взгляд за окно на все эти старые, обшарпанные дома, с которых осыпается штукатурка.

Ее муж деловито поправил галстук.

— Нам стоило немалых денег проследить их путь досюда, господин Гец, — сказал он. — Мальчишки здесь, оба, я вам ручаюсь. Где-нибудь тут, в этом, в этом...

— В этом бедламе, — договорила Эстер Хартлиб за мужа.

— Что ж, здесь, по крайней мере, машин нет, под которые они могли бы угодить, — пробормотал Виктор, оборачиваясь и устремив задумчивый взгляд на карту города, на густую, запутанную сеть его каналов и переулков. Потом снова обернулся и, погрузившись в раздумья, принялся ножом для разрезания писем царапать на поверхности стола маленьких человечков, покуда Макс Хартлиб многозначительным покашливанием не прервал его размышления.

— Господин Гец, так вы беретесь за это дело?

Виктор еще раз внимательно глянул на фото, на эти столь разные лица — такое серьезное у старшего и такое беззаботно-улыбчивое у младшего — и кивнул.

— Хорошо, я берусь, — ответил он. — Уж разыщу как-нибудь. Вид у обоих и вправду не слишком-то взрослый для самостоятельной жизни. Скажите, а вот вы в детстве убегали из дома?

— Господи, да конечно нет. — Эстер Хартлиб глянула на него обескураженно. Ее муж только насмешливо головой покачал.

— А я вот убегал. — Виктор сунул фото обоих мальчуганов под крылатого льва. — Только один. Брата, к сожалению, у меня не было. Ни младшего, ни старшего. Оставьте мне ваш адрес и телефон. А теперь давайте поговорим о моем гонораре.

Пока Хартлибы ковыляли вниз по неудобной узкой лестнице, Виктор вышел на балкон. Ветер сразу же дохнул холодом ему в лицо, от близости моря привкус у ветра был солоноватый. Виктор зябко поежился и, облокотясь на ржавые перила, стал наблюдать, как Хартлибы ступают на мостик, что переброшен через канал двумя домами дальше. Мостик был красивый, но Хартлибы этого не замечали. С брюзгливыми физиономиями они перебрались на другой берег, не удостоив и взглядом кудлатого пса, что скалился на них с проезжающей внизу лодки, и уж тем более не плюнув в воду через перила, как это всегда делал Виктор.

— Что ж, кто сказал, что клиенты обязательно должны нравиться? — буркнул он, склоняясь над двумя черепахами, которые уже давно тянули свои морщинистые шеи из картонной коробки. — Лучше уж такие родители, чем вовсе никаких. А может, не лучше, а? Вы-то как считаете? Вот у вас, черепах, вообще бывают родители?

Погрузившись в свои мысли, он устремил взгляд вслед за течением канала, вдоль всех этих домов, чьи каменные цоколи днем и ночью оmyвает и точит вода. Вот уже больше

пятнадцати лет живет он в Венеции, а сказать, что знает город до последнего закоулка, все еще не может. И никто не может! Так что найти здесь двух мальчишек, если только они сами не захотят найтись, будет ох как нелегко. Столько здесь закутков, столько подворотен и проходных дворов, столько узеньких улочек, названия которых не упомнишь. А у некоторых и названий-то нет. Заколоченные церкви, пустующие дома. Для игры в прятки ничего лучше и не придумаешь.

Черепашки неспешно объедали протянутый им лист салата.

– Пожалуй, надо будет сегодня на ночь вас в дом занести, – сказал Виктор. – Этот ветер пахнет зимой.

Ландо и Пауло преданно смотрели на него своими выпуклыми, без ресниц, глазками. Иногда он своих черепах путал, но не особенно из-за этого переживал. Он их нашел на рыбном рынке, выслеживая одну пропавшую персидскую кошку. Он извлек беглую аристократку из вонючей бочки сардин и, когда наконец обезопасил себя от ее когтей и зубов, засунув негодяйку в картонную коробку, вдруг увидел этих двух черепах – среди множества снующих людских ног они чинно и невозмутимо куда-то шествовали. И только когда Виктор их подобрал, они замерли, испуганно втянув в панцири свои маленькие головки.

«Так с чего же мне начать поиски мальчишек? – думал Виктор. – С детских приютов? Или с больниц? Невеселые места».

Впрочем, он вполне может обойтись и без этих тягостных визитов. Эту работу за него наверняка уже проделали Хартлибы. Он перегнулся через перила балконной решетки и плюнул вниз, в темные воды канала.

Бо и Проспер. Красивые имена, подумал он. Странные, конечно, но все равно красивые.

Странная троица

Чутье не подвело Хартлибов. Проспер и Бо действительно сумели добраться до самой Венеции. Они ехали долго, ужасно долго, дни и ночи напролет тряслись в грохочущих поездах, прячась от кондукторов и не в меру любопытных старушек. Запирались в вонючих вагонных клозетах, спали вповалку в темных закутках, тесно прижавшись друг к дружке, голодные, усталые, продрогшие. Но доехали – и все еще были неразлучны.

Так что когда их тетя Эстер присаживалась на стул в кабинете Виктора, ребята стояли в подворотне всего лишь в нескольких шагах от знаменитого моста Риальто. И им тоже назойливо задувал в уши холодный ветер, нашептывая, что теплые денечки теперь позади. Но в одном Эстер просчиталась. Проспер и Бо были не одни. Вместе с ними в подворотне стояла девочка, тоненькая, с каштановыми волосами, туго заплетенными в косу, которая, словно длинное жало, тянулась вдоль спины до самого пояса. Этой косице она и обязана была своим прозвищем – Оса. И ни на какие другие имена отзываться не желала.

Сейчас, наморщив лоб, она внимательно изучала замызганную записку, не обращая внимания на протискивающихся мимо прохожих, которые то и дело задевали ее кто локтем, кто сумкой, кто туго набитым пластиковым пакетом.

– По-моему, всё взяли, – сказала она наконец своим тихим, с хрипотцой голосом, который сразу так понравился Просперу, даже когда он еще ни слова не мог разобрать на этом чужом, непонятном языке, что так легко и быстро лился с ее уст. – Вот только батареек для Моски у нас еще нет. Где бы нам их раздобыть?

Проспер пригладил свои темные волосы, убирая их со лба.

– Вон там, в переулочке, я знаю магазинчик электротоваров, – сказал он, заботливо поднимая на братишке воротник курточки: он заметил, что Бо от холода вжимает голову в плечи.

И они снова влились в поток прохожих. Это был рыночный день, так что и на самом мосту Риальто, и в прилегающих переулках народу было еще больше, чем обычно. Стар и млад, мужчины, женщины, дети – все были тут, все толклись у лотков и прилавков, протискивались вперед, пятились назад, обвешанные и нагруженные сумками и пакетами. Старухи, никогда в жизни не покидавшие этот город, и туристы, приехавшие сюда на один лишь день, чтобы его посмотреть, – все высыпали на улицу. Вокруг пахло осенними цветами, сушеными грибами и конечно же рыбой.

– Оса! – Бо схватил девочку за руку, одаривая ее одной из самых неотразимых своих улыбок. – Купи мне вон то маленькое пирожное!

Оса ласково потрепала его по щеке, но непреклонно покачала головой.

– Нет, – решительно сказала она, подталкивая его дальше.

Лавка электротоваров, которую высмотрел Проспер, оказалась совсем крохотная. Однако в витрине среди кофеварок и тостеров нашлось место и игрушкам, перед которыми Бо в восхищении замер.

– Но я же есть хочу, – прохныкал он, упираясь ручонками в витринное стекло.

– Ты всегда есть хочешь, – отрезал Проспер, открывая дверь магазинчика и пропуская Осу к прилавку: сам он вместе с Бо остался на пороге.

– Scusi², – обратилась она к пожилой продавщице, которая, стоя к ней спиной, смахивала пыль с товаров. – Мне нужны две батарейки для транзисторного приемника.

Женщина положила батарейки в маленький пакетик, а в придачу протянула Осе еще пригоршню карамелек.

² Извините (*итал.*).

– Ах, какой славный малыш! – сказала она и весело подмигнула Бо. – Белокурый, ну прямо ангелочек. Это что, братья твои?

– Нет. – Оса покачала головой. – Вернее, братья, но только двоюродные. Погостить приехали.

Проспер попытался заслонить собой Бо, но тот ловко проскользнул у него под рукой и, подскочив к прилавку, хапнул пригоршню леденцов.

– *Graczie!*³ – поблагодарил он и тут же шмыгнул обратно к Просперу.

– *Un vero angelo!*⁴ – восхитилась продавщица, укладывая деньги в ящичек кассы. – Только скажи его матери, пусть штаны ему зашьет да и одевает потеплее. Зима на носу. Слыхали, как ветер-то сегодня в трубах завывал?

– Обязательно скажем, – пообещала Оса, засовывая батарейки в свою туго набитую сумку. – Всего хорошего, синьора.

– Ангелочек! – передразнивая, повторил Проспер, когда они снова нырнули в уличную суматоху. – Дались же им всем твои белокурые локоны и круглая мордашка, а, Бо?

Но братишка в ответ только показал ему язык, сунул в рот леденец и кинулся вперед. Да так резво, что двое старших с трудом за ним поспевали. Юркий, как рыба, он так и шнырял между прохожими.

– Бо, не так быстро! – недовольно крикнул Проспер ему вслед, но Оса только усмехнулась.

– Да пусть себе! – сказала она. – Уж как-нибудь не потеряется. Вон он, видишь.

Вдалеке Бо скорчил им рожицу и попытался на одной ножке обскакать оброненный кем-то апельсин, но споткнулся и плюхнулся прямо под ноги целой группе японских туристов. Он испуганно вскочил и тут же расплылся в улыбке, заметив, как две японки потянулись за фотоаппаратами. Но не успели они начать щелкать, как Проспер, решительно ухватив брата за шкирку, поволок его дальше.

– Сколько раз тебе говорить: не давай себя фотографировать! – шипел он на ходу.

– Да ладно, ладно! – Бо вырвался у него из рук и ловко перепрыгнул через брошенную кем-то пустую сигаретную пачку. – Это же были китайцы. Тетя Эстер никогда в жизни не увидит, что они там нащелкали. К тому же она уже давно взяла себе другого мальчика. Ты сам говорил.

Проспер кивнул.

– Да-да, так оно и есть, – пробормотал он. Но при этом посмотрел по сторонам так, будто тетя прячется где-то тут, в толпе, совсем рядом, готовая в любую секунду выскочить и схватить Бо в охапку.

От Осы его взгляд не укрылся.

– Опять про тетю вашу вспомнил, да? – спросила она, понизив голос, хотя Бо давно уже снова неся где-то впереди. – Да забудь ты о ней, она давно уже вас не ищет. А если даже и ищет, то где угодно, только не здесь.

Проспер пожал плечами, недоверчиво разглядывая спины двух впереди идущих женщин.

– Наверно, – не слишком уверенно согласился он.

– Да точно, – все тем же сдавленным шепотом настаивала Оса. – И прекрати наконец из-за этого переживать.

Проспер кивнул. Хотя отлично знал, что переживать не прекратит: не может. По ночам Бо спит сладко, как котенок, а ему, Просперу, чуть ли не каждую ночь эта Эстер снится. Сварливая, вечно всех понукающая Эстер, прилизанная лаком для волос, словно клеем.

³ Спасибо! (*итал.*)

⁴ Ну чистый ангелочек! (*итал.*)

– Эй, Проп! – Как из-под земли перед ними снова возник Бо, радостно протягивая Просперу туго набитый бумажник. – Смотри-ка, что я нашел!

Проспер испуганно выхватил бумажник у него из рук и стремглав потащил братца прочь из толпы, под арку ближайшей подворотни. И лишь там, за штабелем пустых ящиков, в которых голуби лакомились остатками фруктов, он остановился.

– Откуда это у тебя, Бо?

Бо обиженно надул губы и строптиво уткнулся лбом Осе в плечо.

– Говорю же тебе: нашел! У дядьки лысого из заднего кармана вывалился. Он даже не заметил, а я и подобрал.

Проспер издал горестный стон.

С тех пор как они были предоставлены самим себе, ему пришлось научиться воровать сперва просто еду, а потом и деньги. Как он это ненавидел! И страшно было всякий раз до смерти, аж руки тряслись. А Бо, наоборот, нравилось, для него это было как захватывающая, азартная игра. Но Проспер строго-настрого запретил ему воровать и теперь, поймав его за этим делом, всякий раз жутко ругался. Этак, чего доброго, Эстер еще обвинит его в том, что он растит братишку вором.

– Ладно, Проп, не распаляйся, – сказала Оса, прижимая Бо к себе. – Он же говорит: нашел, не украл. А хозяина все равно не сыскать. Посмотри-ка лучше, сколько там.

Проспер боязливо раскрыл бумажник. Иностранцы, толпами валившие в город Луны, чтобы полюбоваться его дворцами и соборами, постоянно что-то теряют. По большей части это пластмассовые веера и карнавальные маски, что продаются тут на каждом углу. Но иной раз у кого-нибудь то ремешок фотоаппарата оборвется, то вдруг пачка мелких купюр из кармана просыплется или вот такой толстенный бумажник выпадет. Дрожащими от нетерпения пальцами Проспер обшарил все отделения бумажника, но среди мятых кассовых чеков, ресторанных счетов и использованных билетиков на катер нашлось, увы, лишь несколько жалких бумажек – пара тысяч лир.

– Вот было бы здорово! – Оса с нескрываемым разочарованием проводила глазами бумажник, который Проспер небрежно отшвырнул в пустой ящик. – А то в кассе у нас почти совсем пусто, одна надежда, что Король воров сегодня опять что-нибудь нам подбросит.

– Конечно, подбросит! – Бо посмотрел на Осу так, будто та усомнилась, что земля круглая. – И когда-нибудь я тоже пойду вместе с ним на дело. Когда-нибудь я тоже стану настоящим вором! Сципио обязательно меня научит!

– Только через мой труп, – буркнул Проспер, решительно выталкивая Бо обратно на улицу.

– Да пусть себе болтает! – шепнула Оса Просперу так, чтобы Бо, с оскорбленной миной плетшийся впереди, ее не услышал. – Или ты и вправду думаешь, что Сципио станет брать его с собой?

Проспер покачал головой, но выражение озабоченности с его лица не исчезло. Как же трудно оказалось присматривать за братишкой! С тех пор как они смылись от дедушки, Проспер не меньше трех раз на дню спрашивал себя, верно ли поступил, взяв с собой брата. Как устало, еле-еле плелся за ним братец в ту ночь побега! Пока шли на вокзал – а путь туда неблизкий, – он ни разу не выпустил руку Проспера из своей. Хотя до Венеции добраться оказалось проще, чем Проспер предполагал. Но когда они прибыли на место, уже настала осень и воздух был вовсе не такой теплый и ласковый, как он себе представлял. Сырой стылый ветер дул им навстречу, когда они спускались по вокзальной лестнице, плечом к плечу, оба в слишком легких одежках, почти без вещей – только рюкзачок у Проспера за спиной да легкая сумка в руках. Карманные деньги, что были у Проспера, быстро кончились, и уже после двух ночей, проведенных в сырых венецианских переулках, Бо начал кашлять, да так

страшно, что Проспер подхватил его под руку и решительно направился искать первого же полицейского.

«Извините, – собирался сказать он, с трудом подбирая немногие итальянские слова, какие тогда знал, – мы сбежали из дома, но мой братишка заболел. Не могли бы вы позвонить моей тете, чтобы она его забрала?»

Вот в каком он был отчаянии. Но тут объявилась Оса.

Она отвела Проспера и Бо в их «обитель», к Риччио и Моске, где им тут же выдали кое-какие теплые вещи и даже накормили горячим обедом. И заявила Просперу, что голодать и воровать им пока что не придется, потому что Сципио, Король воров, о них позаботится. Точно так же, как заботится он о ней и ее друзьях, Риччио и Моске.

– Остальные давно уже нас ждут. – Голос Осы столь резко вырвал Проспера из размышлений, что он не сразу сообразил, где находится. В узком проходе между домов пахло кофе, выпечкой и мышами. Совсем не так, как пахнет дома.

– Вот именно, – подхватил Бо. – А нам еще убирать надо. Сципио не любит, когда у нас грязь.

– Да, уж тебе-то не мешало бы поработать, – усмехнулся Проспер. – Кто вчера целое ведро воды в доме опрокинул?

– И мышам тайком сыр подкладывает! – Оса хихикнула, когда Бо обиженно ткнул ее локтем в бок. – И это притом что наш Король воров больше всего на свете ненавидит мышинные какашки. К сожалению, в дивной обители, которую он для нас подыскал, этого добра полным-полно и протопить ее тоже почти невозможно. Жилище поскромнее, чем эта роскошная обитель, было бы, наверно, куда удобнее, но Сципио и слышать об этом не желает.

– Звездная обитель, – поправил ее Бо, заворачивая вслед за старшими в переулок, где народу было уже значительно поменьше. – Сципио говорит, она называется «звездная обитель».

Оса только вздохнула, закатив глаза.

– Смотри, скоро он совсем тебя слушать перестанет, только Сципио, – шепнула она Просперу.

– Ну и что? Я-то что могу поделать? – отозвался тот.

Проспер отлично понимал: только Сципио они обязаны тем, что не должны больше ночевать на улице, и это сейчас, когда вечерами на каналы опускается туман и серой, промозглой пеленой заползает в переулки. Это Сципио, возвращаясь с очередного «дела», пополняет деньгами кошельки, из которого они сегодня расплачивались за макароны и овощи. Это Сципио раздобыл башмаки, в которых у Бо перестали мерзнуть ноги, – пусть даже они немного ему великоваты. Это Сципио заботится о том, чтобы они не добывали себе на пропитание воровством, и только благодаря ему у них теперь снова есть свой дом, причем без Эстер. Но Сципио – вор.

Переулки, которыми они шли, становились все уже. Вместе с домами их все плотнее обступала тишина, и уже вскоре они оказались в потаенной сердцевине города, где чужаков можно повстречать лишь изредка. Заслышав шаги ребят, торопливо шмыгали в свои подворотни пугливые кошки. Голуби ворковали с крыш, а под сотнями мостов хлюпала и плескалась вода, облизывая лодки, деревянные сваи и неумолимо показывая в своем черном зеркале окружающим домам их древние образы. Все глубже и глубже в хитросплетение улочек и переулков удалялись дети, скорей, скорей мимо домов, сжимавших мостовые будто тисками и склонявшихся над ними, как каменные истуканы, лишенные ног и завидующие из-за этого людям.

Дом, в котором находилась их обитель, стоял среди соседних зданий словно карапуз среди взрослых: низенький, плоский, совсем без украшений, он странно смотрелся среди всех этих пышных фасадов и арок. Своими заколоченными окнами он слепо таращился на

мостовую. По стенам были расклеены давно поблекшие киноафиши, а просторный вход плотно закрывали широкие, ржавые жалюзи. Над ними кособоко красовались буквы из стеклянных трубочек: СТЕЛЛА – Звезда. Гордое имя заброшенного кинотеатра, который так неказисто смотрелся рядом с окружающими его старинными зданиями, давно не светилося. Но тем, кто нашел теперь приют под его крышей, было от этого только спокойнее.

Оса бдительным взором окинула всю улицу, Проспер удостоверился, что никто не глядит на них из окон, и только после этого они один за другим шмыгнули в узкий проход, что отделял кинотеатр от соседнего здания.

Наконец-то они снова дома.

Звездная обитель

Водяная крыса испуганно шмыгнула у них из-под ног, когда ребята пробирались по узкому проходу между домами. Лаз этот, как и многие улочки и переулки города, вел к каналу, однако Оса, Проспер и Бо, пройдя лишь несколько шагов, остановились возле металлической двери в глухой, вовсе без окон, боковой стене. Корявыми буквами кто-то намалевал на ней надпись «Vietato l'ingresso» – «Проход воспрещен». Прежде эта дверь была одним из запасных выходов кинотеатра, теперь же за ней скрывалось убежище, о котором никому, кроме шестерых ребят, не было известно.

Проспер дважды энергично дернул за шнурок, болтавшийся сбоку от двери, подождал немного и дернул в третий раз. Это был условный звонок, однако все равно открыли им не сразу. Бо уже начал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, когда они наконец услышали, как за дверью кто-то отодвигает щеколду. Дверь, однако, приотворилась лишь на узенькую щелочку.

– Пароль? – спросил чей-то бдительный голос.

– Брось, Риччио, ты же прекрасно знаешь, мы никогда не можем его запомнить, – с досадой пропыхтел Проспер.

Но тут к двери подскочила Оса и зашипела прямо в щель:

– Ежик, ты видишь, что я с сумками? Я от самого рынка Риальто их тащу. У меня руки скоро вытянутся, как у обезьяны, так что давай открывай!

– Да ладно, ладно. Лишь бы Бо опять на меня Сципио не наябедничал, как в прошлый раз. – Риччио с озабоченным видом открыл дверь. Это был худенький мальчик, чуть ли не на голову ниже Проспера, хоть они и были почти ровесники. Так, по крайней мере, Риччио утверждал. Его непокорные каштановые волосы всегда стояли торчком, что и принесло ему его прозвище Риччио, то есть Ежик.

– Вечно Сципио выдумывает эти пароли дурацкие, которые никто из нас запомнить не может, – ворчала Оса, протискиваясь в дверь. – Условного звонка вполне достаточно.

– Сципио так не считает. – Риччио деловито задвинул щеколду.

– Тогда пусть придумывает такие, чтобы полегче запоминались. Ты сам-то хотя бы последний помнишь?

Риччио озадаченно почесал в затылке.

– Погоди-ка. «Пипеткум кобеле»⁵. Или что-то вроде того.

Бо захихикал, а Оса только глаза закатила.

– А мы уже уборку начали, – рассказывал Риччио, карманным фонариком освещая им путь по длинному коридору. – Правда, пока не слишком-то много успели. Моска все время только радио свое мастерить хочет. А до этого мы перед дворцом Пизани торчали, только час, наверно, как оттуда ушли. С какой стати Сципио именно этот дворец для следующего налета выбрал, ума не приложу. Там, что ни вечер, обязательно что-нибудь происходит – приемы, праздники всякие, по-моему, чуть ли не все знатные семейства города каждый вечер там. И как только он думает незаметно туда пробраться?

Проспер лишь плечами передернул. Его и Бо Король воров еще ни разу не посылал наблюдать, как он говорил, «за будущими клиентами», хотя Бо без конца его об этом упрашивал. Но обычно, когда требовалось наблюдать за дворцами, куда Сципио планировал нанести ночной визит, выбор падал на Риччио и Моску. Он называл этих двоих своими глазами, тогда как Осе надлежало следить за тем, чтобы деньги, вырученные от продажи воровской добычи, не слишком быстро расходовались. Что же до Проспера и Бо, то им как новичкам до

⁵ «Perpetuum mobile» – «вечный двигатель» (лат.). Искаженное.

звоялось иногда сопровождать Сципио на продажу добычи или, как вот сегодня, ходить за покупками. Проспера ни к чему такому и не тянуло. Но Бо – тот об одном только и мечтал: как он будет вместе со Сципио пробираться в самые богатые дома города и красть оттуда красивые вещицы вроде тех, какие Король воров приносит в обитель после каждого своего набега.

– Сципио куда угодно проникнет! – гордо провозгласил Бо, весело скача вприпрыжку рядом с Риччио. Два прыжка на левой ноге, два скачка на правой – Бо редко двигался вперед нормально, он либо скакал вприпрыжку, либо мчался сломя голову. – Он даже из Дворца дождей сумел украсть, и то его не поймали! А все потому, что он Король воров!

– Ах да, налет на Дворец дождей! И как это мы могли позабыть такое! – Оса бросила Просперу насмешливый взгляд. – Ручаюсь, даже вы уже слышали эту историю раз сто, верно?

Проспер только улыбнулся в ответ.

– Что до меня, то я готов слушать ее хоть тысячу раз, – изрек Риччио, отодвигая темную, пропахшую пылью портьеру.

Кинозал, за ней открывшийся, на вид был даже не очень старый, но пребывал в куда большем запустении, чем иные дома, простоявшие в городе не одно столетие. Там, где прежде красовались на стенах большие хрустальные светильники, теперь торчали только запыленные обрывки проводов. Ребята установили несколько монтажных ламп, раздобытых на стройке и кое-как освещавших зал, но даже в этом скудном свете нетрудно было разглядеть, что штукатурка на потолке во многих местах уже обвалилась. Кресла из зала давно поубирали, только первые три ряда остались стоять, но и в них тут и там зияли бреши. В красных плюшевых сиденьях теперь поселились мыши, а красивый, усыпанный звездами занавес был весь изъеден молью. Тем не менее он еще хранил свое былое величие. Золотое шитье на матовой синеве ткани все еще мерцало так таинственно, что Бо хотя бы раз на дню обязательно проводил рукой по этим вышитым золотым звездам.

Перед занавесом, на голом полу сцены, сидел мальчик и что-то свинчивал в старом радиоприемнике. Он настолько поглощен был этим занятием, что не заметил, как Бо подкрался к нему сзади. И только когда тот прыгнул ему на спину, Моска испуганно вскинулся.

– Господи, Бо! – завопил он. – Я же чуть себе руку не пропорол отверткой!

Но Бо уже и след простыл. Ловкий, словно белка, он шмыгнул куда-то между рядами кресел.

– Ну погоди, крысенок! – воскликнул Моска, пытаясь отрезать Бо путь к бегству. – Вот сейчас поймаю и на сей раз защекочу так, что ты у меня лопнешь!

– Проп, на помощь! – голосил Бо, но Проспер, ухмыляясь, стоял неподвижно и даже не думал выручать братца, когда Моска наконец сгреб его в охапку.

Моска был самый рослый и сильный среди них, так что, сколько Бо ни брыкался и ни изворачивался, Моска его не отпускал. Все так же невозмутимо, с брыкающимся Бо под мышкой, он подошел к остальным.

– Как вы считаете, что лучше: защекотать его сейчас или пусть умрет с голоду у меня в руках? – спросил он.

– Отпусти меня сейчас же, рожа чумакая! – орал Бо.

Лицо да и вся кожа у Моски и вправду были до того смуглые, что Риччио любил повторять: Моске достаточно просто встать в тень, и его никто не увидит.

– Ладно, так и быть, на сегодня я тебя прощаю, карапуз, – сказал Моска, все еще не выпуская пыхтящего Бо из своих сильных рук. – Краску для лодки мне принесли?

– Нет, – ответила Оса, ставя свои сумки на одно из кресел. – Купим, когда Сципио придет с новой добычей. Сейчас нам это не по карману.

– Но у нас же еще полно денег во второй кассе! – Моска наконец поставил Бо на ноги и сердито скрестил руки. – На что тебе такая прорва денег?

– Сколько раз надо вам объяснять? Это деньги на черный день. – Оса притянула к себе Бо. – Как насчет того, чтобы оттащить припасы в кладовку?

Бо кивнул и столь стремительно кинулся исполнять просьбу, что едва не растянулся на полу. Все сумки, одну за другой, он оттащил к большой двустворчатой двери, через которую когда-то входили в зал зрители. За ней, в вестибюле, все еще стояла холодильная камера для мороженого и напитков. Она, конечно, давно уже не работала, но в качестве кладовки годилась вполне.

Покуда Бо вытаскивал в вестибюль тяжеленные сумки, разочарованный Моска снова присел возле своего радио.

– Дорого, дорого! – бурчал он. – Если и дальше с покраской будем тянуть, моя лодка сгниет к чертям. А вам на это плевать, крысы вы сухопутные. На книжки свои Оса всегда деньги находит.

На это Оса ничего не ответила. Она молча принялась подбирать с пола бумагу и прочий мусор, а Проспер тем временем взялся за веник – выметать мышиный помет. Книжек у Осы было много. Изредка она себе даже покупала какую-нибудь, это правда, но в большинстве своем ее библиотеку составляли дешевые карманные издания, просто выброшенные туристами. Оса выуживала их из урн, разыскивала под скамейками вапоретто – просторных катеров, заменяющих в Венеции автобусы, – или на вокзалах. За стопками книг, висевшими вокруг ее ложа, матраса было почти не видно.

Спали они все в задней части зала, вплотную друг к другу, потому что ночью, когда они гасили светильники и задували последнюю свечу, огромный, совсем без окон кинозал заполнялся такой крошечной чернотой, что они казались себе в нем маленькими, незащищенными букашками. И спасало от этого чувства только тепло товарищей.

Матрас Риччио был весь завален замызганными тетрадками дешевых комиксов, а в его спальном мешке обитало столько плюшевых зверушек, что сам он с превеликим трудом туда втискивался. Зато ложе Моски нетрудно было узнать по ящичку с инструментом и связке удочек и прочей рыболовной снасти по бокам. Кроме того, под подушкой у него хранилось главное его сокровище, его талисман: медный морской конек, точь-в-точь такой, какие укреплены в качестве украшения на носах большинства гондол Венеции. Моска, правда, клялся и божился, что своего конька он не с гондолы украл, а выудил со дна канала прямо за кинотеатром.

– Краденый талисман одни несчастья приносит, – пояснял он наставительно. – Это ж любой дурак знает.

Проспер и Бо делили один матрас на двоих. Так и спали на нем, прижавшись друг к другу. В изголовье, аккуратно разложенная, красовалась собранная Бо коллекция пластмассовых вееров: шесть штук, все во вполне приличном состоянии. Самым красивым, по мнению Бо, все еще оставался самый первый, подобранный Проспером на вокзале в день их приезда.

Король воров никогда не ночевал со своими подопечными в звездной обители. Ни один из них не знал, где Сципио проводит ночи, и сам он никогда об этом не говорил. То есть иногда он делал всякие туманные намеки насчет заброшенной церкви, но когда однажды Риччио попытался за ним проследить, Сципио его за этим делом застукал и пришел в такую ярость, что больше уже никто не отваживался не то что пойти за ним, а даже вслед ему глянуть, когда он покидал их убежище. Постепенно все они привыкли к тому, что вожак приходит и уходит когда захочет. Иной раз три дня подряд является, а потом опять на целую неделю исчезает.

Но сегодня он собирался прийти. Твердо обещал. А когда Сципио говорил, что придет, он всегда держал слово. Правда, когда он придет точно, никто не знал. Так что, когда Бо уже почти засыпал у Проспера на коленях, а стрелки на будильнике у Риччио подбирались к одиннадцати, они дружно заползли под свои одеяла и Оса собралась читать вслух. Обычно она делала это на ночь, чтобы им легче было заснуть, чтобы поскорее можно было разогнать страхи, наваливавшиеся на них вместе с непроглядной тьмой. Но в этот вечер Оса, наоборот, намеревалась читать, чтобы они не заснули, а дождались наконец прихода Сципио. В грудах своих книжек она выискивала сейчас самые захватывающие истории, а остальные тем временем зажигали свечи, расставленные в пепельницах и бутылках между матрасами. А в единственный канделябр, имевшийся в их распоряжении, Риччио торжественно вставил пять новехоньких свечей, высоких, стройных, чистого светлого воска.

– Риччио, – спросила вдруг Оса, когда все уже разлеглись вокруг в нетерпеливом ожидании, – откуда у тебя эти свечи?

Риччио смущенно зарылся лицом в грудь своих плюшевых зверей.

– Из церкви де Салюте, – пробормотал он. – Они там сотнями, если не тысячами лежат, невелика беда, если я прихвачу парочку. Неужто нам тратить на них наши денежки? Вот честное слово, – тут он плутовато ухмыльнулся Осе, – за каждую свечку я посылаю Деве Марии воздушный поцелуй.

Оса с горьким вздохом спрятала лицо в ладонях.

– Да ладно, брось, давай лучше читать, – не выдержал Моска. – Ни один карабинер не станет арестовывать Риччио из-за того, что тот стибрит из церкви парочку свечек.

– А вдруг станет? – пробормотал Бо, зевая и еще теснее прижимаясь к Просперу, который пытался заштопать братишкины штаны. – Ведь его ангел-хранитель в таком-то деле уж точно Риччио не помощник. Я имею в виду – свечи красть. Нет, этого ему никак делать нельзя.

– Да ну! Ангел-хранитель! Чушь какая! – Риччио пренебрежительно скривился, однако нотки беспокойства в голосе скрыть не сумел.

Чуть ли не целый час Оса читала им вслух, но ночь на дворе становилась все черней, и все, кто белым днем наполняли город шумом и гамом, давно уже улеглись спать в своих теплых постелях. В конце концов книжка выпала из ее рук, а слипающиеся от усталости глаза сами собой закрылись. Так что, когда Сципио пришел, все они спали глубоким беспробудным сном.

Король воров

Проспер так и не понял, что его разбудило – то ли Риччио, бормотавший что-то во сне, то ли легкие шаги Сципио. Но когда он испуганно вскинулся, из темноты, словно из кошмарного сна, вдруг выделился чей-то стройный силуэт. Подбородок и губы Сципио отчетливо белели под черной маской, которая скрывала его глаза. Увенчивавший маску длинный, скрюченный нос придавал ему сходство со страшной фантастической птицей. Подобные маски лет триста назад носили в Венеции врачи, когда в городе свирепствовала чума. Маски стервятников. Только теперь Король воров с улыбкой сбросил с лица эту жуткую образину.

– Привет, Проп, – сказал он, пробегая лучом фонарика по лицам остальных спящих. – Извини, что так поздно.

Проспер осторожно убрал руку Бо со своей груди и сел.

– Однажды ты этой маской кого-нибудь до смерти перепугаешь, – проворчал он шепотом. – Как ты опять пробрался-то? Уж в этот-то раз мы действительно все замки позапирали.

Сципио только плечами пожал и провел тонкой рукой по своей черной как смоль шевелюре. Волосы у него были такие длинные, что обычно он заплетал их в косичку.

– Ты же знаешь. Я всегда войду, куда мне надо.

Сципио, Король воров.

Вряд ли он был старше Проспера, хотя любил разыгрывать из себя взрослого, а уж в росте, по крайней мере Моске, уступал изрядно, даже невзирая на то, что неизменно носил сапоги на довольно высоких каблуках. Сапоги эти явно были ему велики, но зато всегда начищены до блеска, черные хромовые сапоги, под стать диковинному черному сюртуку, с которым Король воров тоже никогда не расставался. Полы этого сюртука доходили ему до колен.

– Разбуди-ка остальных, – приказал Сципио тем барским тоном, который так ненавидела Оса. Проспер старался пропускать его мимо ушей.

– Меня вы уже разбудили, – заспанным голосом пробурчал Моска, ворочаясь среди своих удочек. – Король, ты что, вообще никогда не спишь?

Сципио не удостоил его ответом. Важный, как петух, он расхаживал по кинозалу, покуда Проспер и Моска расталкивали остальных.

– Я вижу, вы тут прибрали, – громко приговаривал он. – Это хорошо. А то в прошлый раз тут было как в свинарнике.

– Привет, Сцип! – Разбуженный Бо с таким неистовством выкарабкивался из спального мешка, что чуть в собственных руках-ногах не запутался. Как был, босиком, он помчался к Сципио. Он был единственный, кому дозволялось называть Короля воров Сципом без риска напороться в ответ на ледяной осаживающий взгляд. – Что ты на сей раз украл? – расспрашивал Бо, сгорая от любопытства. Он скакал вокруг Сципио, словно щенок.

Король воров с улыбкой снял с плеча черную котомку.

– Хотя в этот-то раз мы все хорошо разведали? – спросил Риччио, выкарабкиваясь из груди своих плюшевых зверей. – Ведь хорошо, скажи?

– Когда-нибудь он ему сапоги начнет лизать, – пробормотала Оса, но так тихо, чтобы, кроме Проспера, никто ее не услышал. – А вот я лично была бы только рада, если бы этот фанфарон пореже заявлялся сюда среди ночи. – И она, засовывая свои тоненькие ножки в башмаки, одарила Сципио отнюдь не дружелюбным взглядом.

– Мне пришлось срочно изменить свои планы, – провозгласил Сципио, как только они все собрались вокруг него. С этими словами он бросил Риччио сложенную газету. – Прочти-ка вот. На четвертой странице. Самый верх.

Стоя на коленях, Риччио нетерпеливо принялся листать огромные газетные страницы. Моска и Проспер заглядывали ему через плечо, и только Оса внешне безучастно осталась стоять в сторонке, поигрывая своей косичкой.

– «Невероятное по дерзости ограбление во дворце Контарини, – запинаясь, прочел Риччио. – Похищены редкостные драгоценности и произведения искусства. Преступники исчезают бесследно!» – Риччио в изумлении вскинул голову. – Контарини? Но мы же следили за дворцом Пизани!

Сципио передернул плечами.

– Я передумал, вот и все. До дворца Пизани еще дойдет очередь. Он же никуда от нас не денется, верно? А во дворце Контарини, – тут он покачал котомкой прямо у Риччио перед носом, – тоже нашлось что взять. – Несколько мгновений он наслаждался любопытством и нетерпением на лицах окружающих, потом в позе портняшки уселся под звездным занавесом и вытряхнул содержимое сумки перед собой на пол. – Драгоценности я уже продал, – небрежно проронил он, пока остальные в любопытстве склонились над его добычей. – Долги кое-какие надо было отдать да и инструмент новый купить. Но это вот для вас.

На свежевymетенном полу матово поблескивали несколько серебряных ложек, медальон, лупа для чтения, вокруг рукоятки которой изящно обвилась серебристо-чешуйчатая змейка, и золотые щипчики в форме розы, усыпанные крохотными драгоценными камнями.

Бо во все глаза разглядывал принесенные Сципио трофеи. Осторожно, словно боясь повредить, он одну за другой брал в руки посверкивающие безделушки и, потрогав, бережно клал назад.

– Это все настоящее, да? – спросил он, глядя на Сципио недоверчиво.

Тот только насмешливо кивнул, сладко потянулся, глубоко довольный собой и жизнью, и вальяжно улегся на бок.

– Ну, что скажете? Я Король воров или нет?

Риччио только благоговейно кивнул, и даже Оса и та не могла скрыть произведенного на нее впечатления.

– Дружище, рано или поздно они же тебя все равно сцапают, – пробормотал Моска, восхищенно разглядывая лупу со змейкой.

– Еще чего! – Сципио перевернулся на спину и мечтательно уставился в потолок. – Хотя на сей раз, по правде сказать, все и впрямь висело на волоске. Сигнализация оказалась довольно хитрая, не такая допотопная, как я рассчитывал, а когда я медальон с ночного столика уводил, тут и вовсе хозяйка проснулась. Но пока эта дама из своей кровати выбиралась, я уже на соседней крыше был. – И он задорно подмигнул маленькому Бо, который устроился у него в ногах, не сводя с Короля воров восхищенных глаз.

– А для чего вообще эта штуковина? – спросила Оса, приподнимая щипчики. – Волоски из ноздрей выдергивать?

– Да нет же, господи! – Сципио приподнялся и раздраженно выдернул щипчики у нее из рук. – Эти щипчики для сахара.

– И откуда ты только все знаешь? – Риччио смотрел на Сципио со смесью зависти и удивления. – Тоже ведь в сиротском приюте рос, как и я, только нам-то монашки про щипчики для сахара и всякое такое никогда ничего не рассказывали.

– Ну, из приюта я все-таки давно уже сбежал, – снисходительно заметил Сципио, отряхивая пыль со своего черного сюртука. – К тому же, в отличие от тебя, я не просиживаю целыми днями за дурацкими комиксами.

Риччио пристыженно потупился.

– Знаешь, я читаю не одни только комиксы, – с расстановкой проговорила Оса, обнимая Риччио за плечи. – И тем не менее тоже никогда про щипчики для сахара не слыхала, а если бы даже и слыхала, ни за что не стала бы из-за этого так воображать!

Сципио смущенно откашлялся и отвел глаза. Потом пробормотал:

– Да я не хотел тебя обидеть, Риччио. Ты прекрасно проживешь на свете, даже не зная, что такое щипчики для сахара. Но одно вам скажу: эта вещица стоит немалых денег. Поэтому на сей раз постарайтесь выбить у Барбароссы приличную цену, ясно?

– Да как? – Ища поддержки, Моска обвел товарищей растерянным взглядом. – В прошлый раз уж мы как старались, только этот жирный боров все равно хитрей.

И все удрученно посмотрели на Сципио. С тех пор как он стал их вожаком и кормильцем, считалось, что его дело красть, а им надлежало превращать его добычу в деньги. Сципио, правда, сказал им, к кому обратиться, но заниматься торговлей самому считал ниже своего достоинства. Единственным человеком в городе, кто способен был якшаться с бандой ребятишек, был Эрнесто Барбаросса, рыжебородый толстяк, торговавший в своей антикварной лавчонке дешевыми сувенирами для туристов и между делом, исподтишка, проворачивавший сомнительные сделки с по-настоящему дорогим товаром, по большей части краденным.

– Никто из нас этого не умеет! – продолжал Моска. – Торговаться, надувать и все такое. И по-моему, Рыжая Борода пользуется этим без зазрения совести.

Нахмутив лоб, Сципио задумчиво перебирал завязки своей котомки.

– Проп умеет торговаться! – выпалил вдруг Бо. – И даже очень здорово. Раньше, когда мы с ним на блошином рынке всякую ерунду продавали, он всегда такое каменное лицо делал, что...

– Да тихо ты, – оборвал Проспер своего братишку. От смущения у него даже уши побавровели. – Одно дело старые игрушки продавать, и совсем другое вот это... – В растерянности он взял из рук у Бо медальон.

– Почему же совсем другое? – Сципио смотрел на него пристально, словно прикидывая, правду Бо говорит или преувеличивает.

– Лично я до смерти буду рад, если ты, Проп, меня от этого избавишь, – сказал Моска.

– Да уж. – Оса брезгливо поежилась. – Этот рыжий толстяк только своими свинячьими глазенками глянет, и мне тотчас же не по себе делается. Мне все время кажется, что он либо потешается над нами, либо вот-вот полицию вызовет или еще какую-нибудь гадость подстроит. И я всякий раз жду не дождусь, когда же мы наконец из его лавчонки ноги унесем.

Проспер в смущении почесал за ухом.

– Ну ладно, раз вы так считаете, – пробормотал он. – Торговаться я впрямь могу неплохо. Только этот Барбаросса, конечно, тот еще выжига. Я же был в последний раз, когда Моска ему продавал...

– Вот и попробуй. – Без лишних слов Сципио вскочил, закидывая пустую котомку за плечо. – Все, мне пора. У меня еще стрелка кое с кем сегодня ночью. В смысле – встреча. Но завтра загляну обязательно. Что-нибудь, – он надвинул маску на глаза, – ближе к вечеру. Хотелось бы знать, сколько вам толстяк за товар отвалит. Если он вам, – тут Сципио задумчиво перебрал глазами свою добычу, – если он вам меньше двухсот тысяч лир предложит, забирайте все обратно.

– Двести тысяч? – У Риччио от изумления даже челюсть отвисла.

– Эти вещи наверняка стоят дороже, – задумчиво проговорил Проспер.

Сципио обернулся.

– Вероятно, – небрежно бросил он через плечо. С этим длинным черным птичьим носом вид у него был совсем чужой и жутковатый. В скудном свете монтажных ламп его гигантская тень зыбко подрагивала на стене кинозала. – Ну, пока, – проронил он. И, прежде чем скрыться за пыльной портьерой, еще раз обернулся. – Новый пароль нам нужен?

– Нет! – грянуло со всех сторон поспешно и в один голос.

– Ну хорошо. Ах да, Бо... – Сципио еще раз оглянулся. – Тут за портьерой для тебя коробка картонная стоит. Там двое котят. Кто-то хотел утопить их в канале. Позаботься о них, ладно? И спокойной ночи всем.

Барбаросса

Лавчонка, где им уже случалось превращать воровскую добычу Короля в чистые денежки, приютилась в одном из переулков неподалеку от собора Святого Марка, по соседству с пастицерией, то есть кондитерской, в стеклянной витрине которой красовались сладости и выпечка всех видов и форм.

– Да пойдем же, – раздраженно сказал Проспер, оттаскивая Риччио от этой сладкой витрины, и тот покорно дал себя увести, все еще жадно ловя ноздрями аромат жареного миндаля в сахаре.

В лавке Барбароссы запахи были совсем не такие вкусные. Со стороны она ничем почти не отличалась от других лавок старьевщиков, каких много в городе Луны. На стекле витрины витиеватыми буквами было выведено «Эрнесто Барбаросса, Ricordi di Venezia»⁶. За стеклом на потертом плюше стояли вазы и массивные подсвечники в окружении латунных гондол и хрупких бабочек венецианского стекла. Тонкостенный фарфор с трудом отвоевывал здесь себе место среди стопок старинных книг, картины в потускневших серебряных рамках соседствовали с масками из папье-маше. У Барбароссы каждый мог отыскать себе все, что душе угодно, а то, чего не находилось на полках, услужливый хозяин брался раздобыть. Причем любыми путями, если надо – то и не слишком честными.

Как только Проспер отворил дверь лавочки, над головой у него на разные голоса зазвенели стеклянные колокольчики. Между битком набитыми стеллажами слонялись несколько туристов. Они о чем-то шушукались, но так тихо и почтительно, будто они в церкви, а не в лавочке. Может, все дело было в люстрах, что свисали с темного потолка, позвякивая пестрыми стеклянными цветами, или в свечах, что горели здесь в тяжелых канделябрах, хотя за окном светило солнце. Не поднимая глаз, Проспер и Риччио протиснулись мимо иностранцев. Один из них держал в руках маленькую статуэтку, которую Моска сбыл толстяку недели две назад. Когда Проспер углядел ценник, наклеенный на основании фигурки, он чуть не опрокинул большую гипсовую скульптуру, что красовалась посреди магазина.

– Ты не помнишь, сколько заплатил нам Барбаросса вон за ту статуэтку? – поинтересовался он у Риччио.

– Да нет. Ты же знаешь, я цифры вообще не запоминаю.

– Какая бы цифра раньше ни была, сейчас к ней на парочку нулей больше приписано, – прошептал Проспер. – Совсем неплохая сделка для Рыжей Бороды, ты не находишь? – С этими словами он подошел к прилавку и нажал на кнопку электрического звонка возле кассы.

Риччио тем временем корчил смешные рожицы даме в маске, что снисходительно улыбалась им с картины на стене. Эту проделку он повторял всякий раз, когда они сюда приходили, ибо знал – в черной маске дамы имеется глазок, через который Барбаросса тайком наблюдает за покупателями, дабы те чего-нибудь не стащили.

Прошло лишь несколько мгновений – в углу, призывкнув, колыхнулась шторка из бус искусственного жемчуга и из-за шторки собственной персоной vyplыл сам Эрнесто Барбаросса. Рыжая Борода был настолько толст, что, видя его, Проспер всякий раз поражался ловкости, с которой тот при таком-то весе передвигается по своей битком забитой лавчонке.

– Надеюсь, в этот раз вы принесли хоть что-нибудь стоящее, – бросил он пренебрежительно, но ни от Проспера, ни от Риччио не укрылся жадный взгляд, которым он, словно голодный кот жирную мышь, ощупал сумку в руках у Проспера, – тот еще крепче прижал сумку к груди.

⁶ «Сувениры из Венеции» (итал.).

– Думаю, вы останетесь довольны, – в тон ему небрежно ответил Проспер.

Риччио ничего не сказал, только во все глаза таращился на рыжую, как лисий мех, бороду Барбароссы, словно боялся, что оттуда вот-вот кто-нибудь выползет.

– Ты чего, малец, на бороду мою уставился? – рявкнул Рыжая Борода.

– Да я, я... – Риччио начал заикаться, – я вот все думаю, она у вас правда настоящая? То есть я хотел сказать – такая рыжая.

– Разумеется! Уж не хочешь ли ты намекнуть, что я ее крашу? – недовольно буркнул толстяк. – Вечно вам, мелюзге, всякая чушь в голову лезет. – Своими толстыми, в богатых перстнях пальцами он самодовольно пригладил бороду и почти незаметно кивнул в сторону туристов, которые все еще о чем-то шушукались между стеллажей. – Сейчас, вот только от этих по-быстрому отделаюсь, – шепнул он. – А вы пока что пройдите ко мне в кабинет, только не вздумайте ничего там трогать, понятно?

Проспер и Риччио кивнули и скрылись за жемчужной шторкой.

В кабинете у Барбароссы все выглядело совсем иначе, чем в его лавочке. Тут не было ни люстр, ни зажженных свечей, ни хрупких стеклянных бабочек. Глухое, совсем без окон, помещение освещалось искусственным светом одной-единственной неоновой трубки, а кроме огромного письменного стола и массивного кожаного кресла тут были еще только два простеньких стула для посетителей и полки до самого потолка, сплошь уставленные аккуратно надписанными ящичками и коробками; в качестве единственного украшения на голой белой стене за креслом хозяина выделялась афиша музея «Академия».

Была здесь, правда, еще и обитая плюшем скамеечка – как раз под глазком, через который Барбаросса наблюдал за покупателями. Риччио тут же на нее забрался и прильнул к глазку.

– Нет, ты должен на это посмотреть, Проп, – прошептал он. – Уж как он этих туристов обхаживает, а урчит-то, урчит – ну прямо как жирный кот! По-моему, из его лавчонки без покупки никто не уходит.

– К тому же заплатив втридорога, – добавил Проспер, ставя сумку с товаром Сципио на стул и осматриваясь.

– Да точно он ее красит! – бормотал Риччио, все еще не отрываясь от глазка. – Я с Осой на три книжки комиксов поспорил, что борода у него крашеная. – Голова у Барбароссы была лысая, как бильярдный шар, зато борода, густая и пышная, курчавилась вовсю. И была огненно-рыжего цвета, как лисья шкура. – По-моему, вон за той дверцей у него ванная. Ты не поглядишь, нет ли у него там чего для покраски волос?

– Могу и посмотреть. – Проспер подошел к узенькой дверце, с которой кротко улыбался лик мадонны, и просунул голову внутрь. – Бог ты мой, да тут мрамора больше, чем во Дворце дождей! – От изумления он чуть не присвистнул. – Тут тебе и ванная, и клозет, я таких хором в жизни не видывал!

Риччио снова прильнул к глазку.

– Проспер, выходи скорей оттуда! – зашипел он. – Он уже их выпроваживает и запирает лавочку.

Но Проспер не торопился.

– Он ее красит, Риччио! – ликуяще провозгласил Проспер. – Вот она, бутылочка, рядом с его противным одеколоном. Фу, как воняет! Хочешь, я в доказательство кусок туалетной бумаги оторву и покрашу?

– Да нет же! Выходи скорей! – Риччио прыгнул со скамеечки. – Скорей же, он возвращается, черт возьми!

Жемчужная шторка снова звякнула, но Проспер и Риччио уже с самым невинным видом сидели на складных стульях перед письменным столом Эрнесто Барбароссы.

– Я с вас сегодня за стеклянного жука вычту, – первым делом провозгласил Барбаросса, тяжело плюхаясь в свое необъятное кресло. – Твой младший братец, – он бросил на Проспера сердитый взгляд, – в прошлый раз его разбил.

– Да не разбивал он! – запротестовал Проспер.

– А я говорю – разбил, – отрезал Барбаросса, не поднимая глаз: он извлекал очки из ящика письменного стола. – Ну, с чем вы сегодня пожаловали? Надеюсь, это не дешевка какая-нибудь вроде жалких серебряных ложек?

С непроницаемой миной Проспер выложил на стол свой товар. Барбаросса разом весь подался вперед, сгреб своими толстыми, как сардельки, пальцами щипчики, медальон, лупу, повертел, покрутил, со всех сторон оглядел, а ребята тем временем пристально за ним наблюдали. Ни один мускул не дрогнул на его физиономии, он откладывал вещицы в сторону, снова брал, снова осматривал... От нетерпения Проспер и Риччио уже начали шаркать под столом ногами. Наконец с глубоким вздохом Барбаросса откинулся назад, положил очки на стол и любовно огладил свою рыжую бороду, словно это не борода, а тигр, хотя и прирученный, но грозный.

– Цену кто назначает, вы или я? – спросил он.

Проспер и Риччио переглянулись.

– Вы, – ответил Проспер, всем своим видом стараясь показать, что прекрасно знает, сколько стоит принесенный им товар.

– Значит, я, – произнес Барбаросса, удовлетворенно сплетая пальцы и на какое-то время даже прикрыв глаза. – Ну что ж, признаю, на сей раз тут и вправду есть одна-две вполне приличные вещицы, так что я предлагаю вам... – тут глаза его снова раскрылись, – сто тысяч. Только из уважения, как постоянным клиентам.

Риччио от восторга даже дыхание затаил. Он сразу представил себе, сколько пирожных можно купить на сто тысяч. Горы пирожных! Но Проспер только головой покачал.

– Нет, – проговорил он и твердо посмотрел Рыжей Бороде прямо в глаза. – Пятьсот тысяч, иначе сделка не состоится.

В первый миг опешивший Барбаросса не смог скрыть растерянности, но почти сразу же снова овладел собой и мастерски изобразил на своем круглом, как блин, лице выражение благородного негодования.

– Да ты, малыш, в своем ли уме? – выпалил он. – Я делаю вам такое щедрое предложение, а ты в ответ называешь мне совершенно безумную, несусветную цену! Передайте вашему Королю воров, если он и впредь хочет иметь со мной дело, пусть больше не присылает мне всяких глупых мальчишек.

Риччио вжал голову в плечи и с нескрываемой тревогой смотрел на Проспера, но тот, ни слова не говоря, встал, раскрыл свою сумку и одну за другой стал складывать в нее принесенные вещи.

Барбаросса, казалось, наблюдает за всем этим совершенно невозмутимо. Однако, когда Проспер взялся за щипчики для сахара, он вдруг цапнул его за руку, да так стремительно, что Проспер вздрогнул.

– Ладно, хватит дурака валять! – прорычал Барбаросса. – Ты хитрая бестия! По мне, так даже чересчур хитрая. Но раз уж мы с Королем воров прежде все дела чисто обделывали, я, так и быть, даю вам четыреста тысяч, хоть вы и принесли по большей части барахло. Но щипчики мне нравятся. Передайте Королю воров, пусть побольше такого же добра присылает, тогда мы останемся с ним деловыми партнерами, даже несмотря на таких наглых курьеров, как ты. – И он смерил Проспера взглядом, в котором нескрываемая досада смешивалась с уважением. – И вот еще что. – Он откашлялся. – Спросите-ка у Короля воров, не возьмется ли он за одно дельце...

– Дельце? – Мальчишки переглянулись.

– Есть у меня один серьезный клиент, – Барбаросса важно переложил у себя на столе какие-то бумаги, – так он ищет способного человека, который смог бы, скажем так, раздобыть для него одну вещь. Вещь эту мой клиент во что бы то ни стало хочет заполучить. Насколько я понял, эта штукавина находится тут, в Венеции. Словом, для человека, который сам себя, – тут Барбаросса издевательски усмехнулся, – Королем воров величает, это не работа, а так, пара пустяков. Верно я говорю?

Проспер ничего не ответил. Рыжая Борода никогда Сципио не видел и наверняка полагал, что тот человек взрослый. Он и понятия не имеет, что Король воров такой же мальчишка, как и его посланцы.

Но Риччио, похоже, все это нисколько не беспокоило.

– Ясное дело, мы ему скажем, – ответил он.

– Вот и отлично! – С довольной ухмылкой Барбаросса откинулся в кресле. Щипчики он из рук не выпускал. Бережно, почти ласково водил он по их изящным изогнутым краям своими толстыми пальцами. – Если он за это дело берется, пусть пришлет ответ с кем-нибудь из вас. Я тогда устрою ему встречу с моим клиентом. Оплата, – Барбаросса доверительно понизил голос, – будет очень щедрая, мой клиент так прямо и велел сказать.

– Риччио уже сказал вам: мы ему все передадим, – повторил Проспер. – А теперь мы хотели бы получить наши деньги.

Барбаросса расхохотался, да так громко и раскатисто, что Риччио вздрогнул.

– Получишь, получишь ты свои деньги! – пропыхтел он, выбираясь из кресла. – Не беспокойся. Но для начала выйдите-ка из кабинета. Не стану же я перед вами, воровским отродьем, сейф открывать.

– Как ты считаешь: возьмется Сципио за это дело? – спросил Риччио Проспера, пока они, облокотившись в магазинчике на прилавок, дожидались Барбароссу.

– Лучше бы вообще ничего ему об этом не говорить, – ответил Проспер, пристально изучая портрет дамы в маске.

– Это еще почему?

Проспер только плечами пожал.

– Не знаю. Просто предчувствие. Не верю я Рыжей Бороде.

В эту секунду Барбаросса выплыл из-за жемчужной шторки.

– Вот, – сказал он, протягивая им толстую пачку денег. – Только смотрите, как бы их у вас по дороге не стащили. Вы же знаете, на всех этих иностранцев с пухлыми кошельками и фотоаппаратами карманники слетаются, как мухи на мед.

Ребята сделали вид, что не замечают его насмешливой ухмылки. Проспер взял пачку денег и теперь смотрел на нее в нерешительности.

– Можешь не пересчитывать, – сказал Барбаросса, словно угадав его мысли. – Тут все точно. Я только за стеклянного жука вычел, которого твой братишка кокнул. Подпиши-ка мне лучше квитанцию. Писать, надеюсь, ты умеешь или как?

Проспер стрельнул в него сердитым взглядом и быстрым росчерком расписался на блоке квитанций, который протянул ему Рыжая Борода. Впрочем, написав свое имя, он, прежде чем написать фамилию, на миг задумался, а потом поставил вымышленную.

– Проспер, – пробурчал Рыжая Борода. – А ты ведь не из Венеции, верно?

– Верно, – ответил Проспер, закидывая на плечо пустую сумку и направляясь к выходу. – Пойдем, Риччио.

– И поскорее дайте мне ответ насчет того дела! – крикнул Барбаросса им вслед.

– Обязательно, – ответил Проспер, хотя уже твердо решил, что ни слова Сципио об этом деле не скажет. И прикрыл за собой дверь лавки.

Роковая случайность

Едва только они вышли из лавочки Барбароссы, Риччио, не давая Просперу опомниться, затащил его в кондитерскую, витрину которой полчаса назад он с такой тоской рассматривал. И пока официантка, стоя возле них, терпеливо дожидалась заказа, он сумел-таки уговорить Проспера выудить две бумажки из пачки купюр, полученных от Барбароссы, и купить коробку пирожных на всех, чтобы отпраздновать, так сказать, событие дня.

Проспер всякий раз сызнава восхищался тем, с какой тщательностью венецианские кондитеры упаковывают свой товар. Здесь никто не осмелился бы сунуть пирожные в кулек и протянуть через прилавок покупателю, – нет, их укладывают в красивые коробки, а коробку перевязывают изящной разноцветной ленточкой.

Впрочем, Риччио, похоже, на всю эту красоту было решительно наплевать. Как только они снова оказались на улице, он выхватил из кармана перочинный ножик и в мгновение ока перерезал пеструю завязку.

– Это еще что? – возмутился Проспер, забирая у него коробку. – По-моему, мы собирались отнести это всем?

– Да ладно, им тут еще полно останется. – Риччио уже запустил руку в коробку. – К тому же нам полагается вознаграждение. Мать Божья, да из нас никому еще не удавалось выбить из Рыжей Бороды хоть лиру сверх того, что тот предлагал, а ты вытряс из него вчетверо больше! Уж это-то даже я могу подсчитать! Теперь Сципио никого, кроме тебя, с товаром посылать не будет.

– Эти вещи наверняка гораздо дороже стоят. – Проспер взял себе пирожное, покрытое таким густым слоем сахарной пудры, что, едва он его надкусил, пудра тоненькими белыми струйками посыпалась ему на куртку. У Риччио кончик носа уже был в шоколадной глазури. – Но деньги эти в любом случае нам сейчас очень кстати, – продолжал Проспер. – Кассу пополним, и останется еще кое-что на вещи, которые нам сейчас обязательно понадобятся – как-никак, зима на носу. У Бо и Осы теплых курток нет, да и у тебя кроссовки вон каши просят.

Риччио слизнул шоколад с носа и деловито оглядел свою драную обувь.

– Да они еще очень даже ничего, – заключил он. – Может, мы лучше телик купим, подержанный, ну хоть самый малюсенький. Уж Моска сумел бы его наладить.

– Ты совсем рехнулся. – С этими словами Проспер остановился перед магазинчиком, где продавались газеты, открытки, но и игрушки. Кто из дома убегает, игрушек с собой не берет. У Бо был один-единственный потрепанный плюшевый львенок, да и того ему выдал Риччио из своих запасов.

– А почему бы тебе не купить Бо вон тех индейцев? – Риччио положил липкий подбородок Просперу на плечо. – Они отлично подойдут к пробковым ковбоям, которых ему Оса смастерила.

Нахмутив лоб, Проспер нащупал пачку денег в кармане куртки.

– Нет, – сказал он решительно, сунул коробку с пирожными Риччио в руки и двинулся дальше. – Нам деньги на другое понадобятся.

Риччио со вздохом поплелся за ним.

– А знаешь что? – размышлял он. – Если Сципио не захочет браться за дельце, о котором Рыжая Борода говорил, тогда, – тут он понизил голос, – тогда я сам за него возьмусь. Ты же слыхал, что толстяк насчет оплаты говорил. А я тоже вор классный, только в последнее время мало тренировался. Ну и, ясное дело, я с вами поделюсь. Бо я куплю индейцев, Осе – новые книжки, Моске – эту дурацкую краску для его лодки, он про нее все время талдычит,

себе – малюсенький телик, а тебе... – Он с любопытством глянул на Проспера. – Тебе-то самому чего бы хотелось?

– Мне ничего не нужно. – Проспер пожал плечами и тоскливо поежился, словно порыв холодного ветра только что забрался ему за шиворот. – И кончай ты о воровстве болтать. Или забыл, как в последний раз тебя чуть не сцапали?

– Да ладно, – буркнул Риччио, оборачиваясь на даму с огромными жемчужными серьгами. Вот уж о чем ему действительно совсем не хотелось вспоминать.

– И Сципио ты об этом дельце ни слова не скажешь, – продолжал Проспер. – Договорились?

От изумления Риччио даже остановился.

– Что за чушь! Совсем не пойму, что у тебя на уме. Ясное дело, я все ему расскажу! Уж наверно, это не рискованней, чем Дворец дождей-то грабить. – Заметив, что шедшая навстречу влюбленная парочка в изумлении на него оглядывается, он понизил голос. – Или дворец Контарини!

Проспер только головой покачал и двинулся дальше. Он и сам не знал, почему предложение Барбароссы так ему не по душе. Может, все оттого, что Сципио, на его взгляд, с каждым разом действует все легкомысленнее. В задумчивости он обогнул двух домохозяек, что яростно переругивались, стоя посреди тротуара, и при этом нечаянно столкнулся с мужчиной, выходящим из соседнего бара с куском пиццы в руке. Мужчина был невысокий, коренастый, с густыми и обвислыми, как у моржа, усами, на которых кое-где еще налипли остатки сыра. Он машинально оглянулся – и вдруг уставился на Проспера во все глаза, будто увидел призрак.

– Scusi, – пробормотал Проспер и тут же шнырнул вперед, в самую гущу прохожих, в толкучку, которая всякого мгновенно превращает в невидимку.

– Эй, куда ты так несешься? – Риччио с уже почти пустой коробкой в руках ухватил его за куртку.

Проспер оглянулся.

– Да так, мужик один чудно как-то уставился. – Проспер тревожно всматривался в уличную толчею. Но незнакомца с моржовыми усами нигде не было видно.

– Уставился? Ну и что? – Риччио пожал плечами. – Или он показался тебе знакомым?

Проспер покачал головой. Но потом еще раз оглянулся.

Так, ребята из школы идут, старик, три женщины с битком набитыми сумками, группа монахинь... Он схватил Риччио за руку и потащил прочь.

– Что такое? – От испуга Риччио едва коробку не выронил.

– Этот тип за нами идет! – Проспер шел все быстрее, да нет, уже бежал, сжимая в руке пачку денег от Барбароссы, чтобы не выпали из кармана.

– Что ты там бормочешь? – крикнул Риччио, стараясь не отставать.

– Он за нами идет! – выпалил Проспер. – Когда я оглянулся, он спрятаться хотел, но я его заметил.

Любопытствуя узнать, кто это за ними гонится, Риччио обернулся, но никого не обнаружил, кроме нескольких зевак, лениво разглядывающих витрины, да группки школьников, что, хихикая, радостно пихали друг дружку.

– Проп, брось дурить. – Он нагнал Проспера, преграждая ему дорогу. – Успокойся, ясно? Тебе померещилось.

Но Проспер даже слушать его не стал.

– Быстрей давай! – прошипел он и с этими словами затащил Риччио в переулочек, такой узкий, что Барбаросса, забреди он сюда, непременно тут бы и застрял.

Навстречу им угрюмо дохнул студеный ветер, словно где-то там, в темных недрах переулка, было его логово. Риччио знал, куда ведет этот не слишком приветливый проход:

в укромный двор, а оттуда, подворотнями, в лабиринт таких переулков, где даже коренному венецианцу ничего не стоит заплутать. Словом, чтобы удирать от погони, переулочек в самый раз. Но тут Проспер зачем-то снова остановился, прижал Риччио к стенке и, прижавшись сам, стал наблюдать за движением пешеходов на улице.

– Ну что еще опять? – Риччио недовольно прислонился к стене, пряча озябшие кулачки в рукавах свитера.

– Сейчас я тебе его покажу, он мимо пройдет.

– А потом что?

– Если он нас заметит, удерем.

– Шикарный план, – неодобрительно буркнул Риччио, нервно нащупывая языком дырку между передними зубами. Зуб, которого там не хватало, был потерян им как-то раз, когда он вот так же удирал от погони. – Слушай, давай лучше смоемся, пока не поздно, – прошептал он. – Ведь нас же все ждут.

Но Проспер не двинулся с места.

Вот мимо их укрытия проскочили беззаботные школьники, потом прошествовали в своих черных одеяниях монахини. А потом вдруг появился и тот тип: низенький, коренастый, с моржовыми усами и огромными для своего роста ножищами. Явно кого-то высматривая, он озирался по сторонам, привставал на цыпочки, изо всех сил тянул шею и чертыхался.

Мальчишки замерли в своем укрытии, стараясь не дышать. Некоторое время незнакомец продолжал осматриваться, потом наконец двинулся дальше.

Первым нарушил молчание Риччио.

– Я этого типа знаю! – выпалил он. – Бежим скорей, пока он не вернулся.

Проспер пустился за ним, тревожно вслушиваясь в стук собственного сердца и гулкое эхо, которым отдавались в пустынном переулке их дробные шаги. Они мчались по проулку вниз, миновали небольшую площадь в окаймлении угрюмых зданий, потом мост, нырнули в следующий переулок. Проспер уже вскоре перестал понимать, где они находятся, но Риччио мчался вперед с такой уверенностью, словно пробежит по этому хитросплетению переулков и мостов и с завязанными глазами. Потом вдруг они из полумрака выскочили на свет, и перед ними оказался канал Гранде – Большой канал. По берегам его толпились прохожие и зеваки, а на поблескивающей водной глади сновали гондолы и моторные лодки.

Но Риччио уже тащил Проспера к причалу, где они затерялись в толпе людей, ожидающих следующего вапоретто. Вапоретто – это большие катера, плавучие автобусы Венеции, на них венецианцы едут на работу и возвращаются с работы, а туристы, когда у них уже ноги отнимаются от бесконечной беготни, переезжают из одного музея в другой.

Проспер внимательно вглядывался в каждого из прохожих, но их преследователя среди них не было. Когда наконец подошел катер, ребята вместе с толпой пассажиров устремились на борт, но не кинулись занимать немногие сидячие места под тентом сзади, а прошли в носовую часть и остались стоять там, облокотясь на бортовые поручни и не спуская глаз с пристани и набережной.

– У нас же билетов нет, – озабоченно прошептал Проспер, когда битком набитый катер наконец отчалил.

– Велика важность! – так же тихо ответил ему Риччио. – Нам на следующей все равно сходить. Лучше посмотри-ка, кто вон там стоит. – И он указал на причал, мимо которого как раз проходил развернувшийся катер. – Видишь?

О да, Проспер прекрасно его видел. Вон он стоит, усач косопузый. Глаза сощурил и пристально разглядывает пассажиров в отплывающем катере. Риччио издевательски помахал ему ручкой.

– Ты с ума сошел! – Проспер испуганно дернул руку Риччио вниз.

– Да в чем дело-то? Или ты думаешь, он кинется за нами вплавь? Или катер догонит на своих-то ногах-коротышках? Нет уж, мой милый. В этом городе что хорошо? Если за тобой гонятся, достаточно на другую сторону канала улизнуть – и ты, считай, уже от любой погони ушел. Надо, конечно, только следить, чтобы моста поблизости не было. Но через Большой канал только и есть что два моста, это, по-моему, даже ты уже успел усвоить.

Проспер не отвечал. Их преследователя давно уже не было видно, но Проспер все еще тревожно обшаривал глазами берег, словно ожидая, что зловещий незнакомец в любую секунду может там показаться – то ли под изящной колоннадой очередного дворца, то ли на балконе отеля, а то и, чего доброго, в какой-нибудь из встречных моторок.

– Да брось ты высматривать, говорю тебе, мы от него ушли. – Риччио тряс Проспера за плечо до тех пор, пока тот не обернулся. – Знаешь, а ведь я однажды от этого типа уже удираю. Ой, вот черт! – Он растерянно уставился на свои пустые руки. – Слышь, пока мы убегали, я, кажется, пирожные где-то посеял.

– Так ты этого типа знаешь? – Проспер смотрел на Риччио недоверчиво.

Тот облокотился на бортовые поручни.

– Ну да. Он частный детектив. Для туристов потерянные сумки разыскивает, пропавшие кошельки. Меня однажды с такой вот пропажей чуть было не сцапал. – Риччио ущипнул себя за ухо и захихикал. – Только не больно-то он скор на ногу. Но сейчас-то за кем он охотился? – И он с любопытством покосился на Проспера. – Ты же знаешь, я наши правила соблюдаю: что там у кого раньше было, меня не касается. Только похоже на то, что тип этот и впрямь за тобой увязался. Ты кого-нибудь знаешь, кто готов выложить ему денежки, лишь бы тебя разыскать?

Проспер по-прежнему не отрываясь смотрел на берег. Катер уже неторопливо подваливал к следующей остановке.

– Не исключено, – ответил он, не глядя на Риччио.

Стая чаек с недовольным гамом взмыла с черной глади воды, когда катер приблизился к причалу.

– Давай-ка выходить, – сказал Риччио. И они друг за дружкой спрыгнули на пристань, где в нетерпении толпились ожидающие катера пассажиры. – Господи, ведь остальные же решат, что мы товар или денежки прихватили и смылись, – рассуждал Риччио, когда они снова углубились в город, оставив Большой канал за спиной. – Из-за этой прогулки на катере нам теперь еще шагать и шагать. – И он снова кинул на Проспера полный любопытства взгляд. – Так и не скажешь, кто на тебя детектива-то науськал? Что ты натворил? Украл что-нибудь, а он теперь это ищет?

– Глупости. Ты же знаешь, что я не ворую. По крайней мере, стараюсь не воровать. – Проспер сунул руку во внутренний карман куртки и облегченно вздохнул: деньги Барбароссы были на месте.

– Верно. – Риччио наморщил лоб и понизил голос. – Тогда, может, за вами этот, как его, торговец детьми охотится? Такие, часом, вас не ищут?

Проспер посмотрел на Риччио с ужасом.

– Нет! Господи, да нет же, до этого пока что не дошло. – И он глянул на страшную каменную рожу, что алчно уставилась на них с надвратной арки. – Я думаю, это тетя наша нас разыскивает. Эстер, сестра нашей мамы. Денег у нее хватило бы. Своих детей у нее нет, и, когда мама умерла, она захотела забрать Бо к себе. А меня в интернат сбегать. Вот мы и сбежали. А что мне еще оставалось делать? Он же мой брат. – Проспер даже остановился. – Думаешь, эта Эстер хотя бы спросила Бо, хочет он себе новую маму или нет? Да он ее терпеть не может! Он говорит, от нее пахнет, как от ядовитой краски. И что она, – он невольно улыбнулся, – похожа на одну из тех фарфоровых кукол, которые он собирает. – Проспер нагнулся и поднял пластмассовый веер, оброненный кем-то на каменном крыльце. Рукоятка

веера была сломана, но Бо это наверняка ничуть не огорчит. – А Бо считает, я могу его от всего защитить, – сказал он, запихивая свою находку в пустую сумку. – Но если бы Оса нас тогда не подобрала...

– Ладно, пошли, забудь ты об этой ищейке. – Риччио увлек его за собой. – Он даже найти тебя не сможет. Все проще простого: мы перекрасим ангельские локоны Бо в черный цвет, а тебе лицо все вымажем, чтобы ты выглядел, как будто вы с Москвой близнецы.

Проспер не сумел удержаться от смеха. Риччио способен его развеселить, даже когда на душе кошки скребут.

– Скажи, тебе тоже иногда хочется стать взрослым? – спросил он, когда они проходили по мосту, смутно отражавшемуся в глади канала.

Риччио обескураженно покачал головой.

– Да нет, с какой стати? Маленьким-то гораздо удобнее быть. Ты в глаза не так бросаешься, и еды меньше надо, чтобы насытиться. Знаешь, что Сципио всегда говорит? – Они сошли с моста на тротуар. – Дети – это гусеницы, а взрослые – бабочки. И ни одна бабочка не помнит, каково это было – ползать гусеницей.

– Наверно, и вправду не помнит, – задумчиво пробормотал Проспер. – Только не говори Бо о детективе, хорошо?

Риччио только кивнул.

Виктору не везет

Поняв, что Проспер от него улизнул, Виктор от ярости даже пнул ногой причальную сваю, торчащую из мутной воды канала. В результате до дома ему пришлось ковылять, заметно прихрамывая.

Полдороги он ругался себе под нос, да так громко, что люди оборачивались. Но Виктор был в таком бешенстве, что ничего вокруг не замечал.

– Как новичка, как ребенка обвели! – пыхтел он. – А второй-то с ним кто был? Для младшего брата, пожалуй, великоват. Проклятье! Проклятье! Вот проклятье! Мальчишка сам мне в руки тыкается, а я даю ему уйти! Осел я безмозглый! – Ушибленной ногой он, не заметив, поддел пустую сигаретную пачку и скривился от боли. – Сам виноват, – продолжал он бурчать. – Приличный детектив за малыми детьми не гоняется. На прокорм черепашкам мне и без этого треклятого контракта денег хватило бы.

Когда Виктор отпирал свою дверь, нога все еще болела.

– Ну хорошо, по крайней мере я теперь знаю, что они в городе, – приговаривал он, ковыляя вверх по лестнице. – Где старший, там и младший. Это уж как пить дать.

Очутившись наконец в своей квартире, он первым делом стянул ботинки и так, босиком, дохромал до балкона, чтобы покормить черепашек. В кабинете у него все еще стоял едкий запах лака для волос, так и не выветрившийся после визита Эстер. Вот черт, никуда от этой вони теперь не деться! И мальчишки тоже из головы не идут. Не надо было фотографию их на стенку вешать. Теперь вот смотрят на него день и ночь. Где, кстати, они хоть ночуют-то? Сейчас ведь вечерами, как только солнышко за домами скроется, холодрыга жуткая. А прошлой зимой лили такие дожди, что город раз десять под воду уходил. Да ладно, тут ходов и закоулков как в старой лисьей норе, уж где-нибудь сыщется для двоих мальчишек сухонькое местечко – в пустующем доме или в одной из бесчисленных церквей. В конце концов, не все же церкви туристами забиты.

– Ничего, я их отыщу, – пробурчал Виктор. – Это уж было бы совсем курам на смех.

Когда черепашки насытились, он утолил и собственный голод, проглотив не одну солидную порцию спагетти с жареной колбасой. Потом растер мазью ушибленную ногу и уселся за стол, чтобы уладить накопившиеся бумажные дела. В конце концов, у него ведь, помимо поисков мальчишек, и другие контракты есть.

«Видно, надо мне в ближайшие дни почаще на площади Святого Марка посиживать, – размышлял Виктор. – Заказать себе кофе и преспокойно кормить голубей, покуда мальчишки сами не объявятся. Как же это тут говорится-то? Всякий, кто в Венеции оказался, хотя бы раз на дню на площади Святого Марка побывает. С какой стати это правило не должно распространяться на беглых мальчишек?»

Сципио дает ответ

Когда Проспер и Риччио наконец-то добрались до звездной обители, первым радостно выскочил им навстречу заждавшийся Бо, так что они даже не сумели ничего рассказать остальным о детективе, из-за которого так задержались. Впрочем, об их опоздании все разом забыли, едва только Проспер извлек из куртки пачку денег, добытых у Рыжей Бороды. Онемев от изумления, все уселись вокруг Проспера и не сводили с него восхищенных глаз, пока Риччио во всех подробностях живописал, с каким хладнокровием тот с Барбароссой расправился.

— А кроме того, — торжествующе завершил он, — этот жиртрест и вправду бороду красит, так что за тобой, Оса, теперь три новехонькие книжки комиксов. Или ты забыла, на что мы поспорили?

А уже вскоре — после возвращения Проспера и Риччио не прошло и двух часов — у запасного выхода условным звоном трижды звякнул колокольчик, и на пороге, верный своему слову, возник Король воров. Причем, в порядке исключения, он явился даже прежде, чем луна посеребрила своим светом крыши города. Разумеется, Моска отворил ему дверь, не спросив пароль, за что тут же получил страшный нагоняй, но когда Бо с толстенной пачкой денег Барбароссы в руках выскочил Сципио навстречу, даже тот оторопело умолк. Не веря своим глазам, он взял деньги и пересчитал их, бумажку за бумажкой.

— Ну, Сцип, что ты на это скажешь? Вон, глаза-то выпучил, будто привидение увидел! — потешался Моска. — Теперь скажешь Осе, чтобы купила наконец краску для моей лодки?

— Для твоей лодки? Ах да, конечно. — Сципио рассеянно кивнул и обратил свой взор на Проспера и Риччио. — Было что-нибудь, что Барбароссе особенно понравилось?

— Ага, щипчики для сахара, его от них прямо не оттащить, — ответил Риччио. — Сказал, такие вещицы ты мог бы предлагать ему и почаще.

Сципио наморщил лоб.

— Щипчики для сахара, — пробормотал он. — Да, это вещь довольно ценная. — И встряхнул головой, словно отбрасывая какие-то неприятные мысли. — Риччио, — приказал он, — купи-ка нам оливок и копченой колбасы. Такое дело надо отпраздновать. Времени у меня немного, но на это хватит.

Риччио радостно засунул две выданные ему бумажки в карман и со всех ног кинулся выполнять поручение. Когда он вернулся с пластиковым пакетиком оливок, хлебом, бордовой от красного перца копченой колбасой и кулечком мандорлати — маленьких шоколадных конфет в пестрых фантиках, которые так любит Сципио, — остальные уже расположились на полу под занавесом на одеялах и подушках. Бо и Оса собрали все свечки, какие имелись в обители, и теперь в подрагивающих бликах их пламени на стенах кинозала обозначились зыбкие, приплясывающие тени.

— За пару беззаботных месяцев! — провозгласила Оса, когда все наконец уселись в кружок и она разлила виноградный сок по винным бокалам, раздобытым Сципио во время предпоследнего налета. После чего подняла свой бокал и чокнулась с Проспером. — И за тебя, потому что ты сумел вытрясти из Рыжей Бороды столько денег, хотя вообще-то они так и липнут к его жирным пальцам, словно разжеванная жвачка.

Риччио и Моска тоже подняли свои бокалы, так что Проспер не знал, куда глаза девать от смущения, зато Бо с гордостью прильнул к старшему брату и усадил ему на колени одного из котят, полученных от Сципио в подарок.

— Да, Проп, за тебя! — произнес Сципио последним и тоже чокнулся с Проспером. — Отныне назначаю тебя продавцом добычи. Впрочем, — и он в задумчивости погладил пальцами пухлый кошелек, — я вот думаю, не устроить ли после такого удачного дела некото-

рый перерыв. – Он помолчал немного, потом продолжил: – Вору жадничать нельзя, начнешь жадничать – обязательно попадешься.

– Нет, только не сейчас! – Риччио сделал вид, что не замечает предостерегающего взгляда Проспера. – Барбаросса нам сегодня одну интересную вещь рассказал.

– Это какую же? – Сципио небрежно бросил в рот оливку и тут же выплюнул в пригоршню косточку.

– У него есть клиент, которому нужен вор. Обещает очень хорошо заплатить. Нам велели спросить, интересуется ли тебя такой заказ.

Сципио смотрел на Риччио озадаченно. И молчал.

– Звучит неплохо, верно? – Риччио запихнул в рот кусок колбасы. От острого перца на глазах у него тут же выступили слезы. Он торопливо протянул Осе свой пустой бокал.

А Сципио по-прежнему сидел молча. Он машинально провел рукой по своим гладким волосам и потрогал косичку, в которую они были туго стянуты сзади. Потом откашлялся.

– Интересно, – проговорил он. – Работа на заказ. Почему бы нет? А что надо украсть?

– Понятия не имею. – Риччио деловито обтер пальцы о штаны. – Да и сам Рыжая Борода тоже, по-моему, толком не знает. Но он, похоже, считает, что такое дельце для Короля воров самая подходящая работа. – Риччио ухмыльнулся. – Этот боров наверняка представляет себе вместо тебя здоровенного детину с чулком на голове, который в темноте под колоннами Дворца дождей шастает, словно черная кошка. Но ответ он в любом случае хотел бы получить как можно скорей.

Теперь все взгляды были устремлены на Сципио. А тот сидел и молча поигрывал своей маской, в задумчивости поглаживая ее длинный, крючковатый нос. Стояла такая тишина, что слышно было, как потрескивают, стораая, свечи.

– Что ж, это и вправду интересно, – пробормотал он наконец. – Почему бы, собственно, и нет?

Проспер смотрел на него с тоской. У него все еще было недоброе чувство, будто на них надвигается что-то нехорошее. Какая-то беда, опасность.

Сципио, казалось, разгадал его мысли.

– А ты что об этом скажешь?

– Ровным счетом ничего, – ответил он. – Потому что я этому Барбароссе не верю. – Не мог же он сказать: «Потому что я воровство презираю». В конце концов, он жил за счет воровства, в котором Сципио большой мастер.

Сципио кивнул. Но тут, как назло, именно младший брат, можно сказать, нанес ему удар в спину.

– Да ну! – воскликнул Бо и присел возле Сципио, сияя восторженными глазами. – Для тебя-то это суший пустяк, Сцип. Ведь верно же? Верно?

Сципио не смог сдержать улыбку. Он забрал у Бо котенка, положил его себе на колени и принялся почесывать за ушком.

– А я тебе помогу! – Бо прильнул к Сципио еще теснее. – Правда, Сцип? Ты ведь меня возьмешь?

– Хватит, Бо, не говори глупости! – набросился на него Проспер. – Ты вообще никуда не пойдешь, ясно? А уж тем более туда, где опасно.

– Нет, пойду! – Бо скорчил старшему брату обиженную гримасу и упрямо скрестил ручки на груди.

Сципио по-прежнему не говорил ни слова.

Моска, потупив глаза, разглаживал ногтем блестящие фантики от конфет, а Риччио ощупывал языком дупло у себя в зубе и не спускал со Сципио взгляда.

– Я согласна с Проспером, – проговорила Оса, прерывая всеобщее молчание. – Нам сейчас рисковать ни к чему. Наконец-то у нас появились деньги.

Сципио по-прежнему разглядывал маску, запустив палец в одну из ее пустых глазниц.

– Я возьмусь за это дело, – сказал он. – Риччио, ты завтра же пойдешь к Барбароссе и передашь ему мой ответ.

Риччио только кивнул. Но все его худенькое личико светилось от радости.

– И уж в этот раз ты нас с собой возьмешь, да? – спросил он. – Ну пожалуйста, я ведь тоже хочу хоть разочек увидеть, как шикарный дом изнутри вы глядит.

– Точно. Это я бы тоже хотел. – Моска мечтательно разглядывал занавес, который загадочно мерцал в отблесках пламени, словно окутанный золотистой паутиной. – Я уже столько раз себе представлял, как оно там все внутри. Говорят, в некоторых дворцах даже полы из чистого золота, а в дверных ручках настоящие бриллианты.

– Сходи в школу Святого Рокко, если тебе так не терпится! – Оса обвела всех сердитым взглядом. – Сципио только что сам сказал: надо сделать перерыв. В конце концов, они же наверняка все еще ищут того вора, что во дворец Контарини залез. Сейчас новую кражу затевать просто глупо. Неосмотрительно и глупо! – Она возмущенно повернулась к Сципио. – Знай Барбаросса, что у Короля воров даже пушка еще нет на подбородке и что даже на высоких каблуках он ему до плеча не достает, он бы ничего такого ни в жизнь не предложил...

– Ах, так? – Сципио вскочил во весь рост, словно собираясь доказать Осе нечто прямо противоположное. – А ты знаешь, что Александр Македонский ростом меньше меня был? Ему столик подставляли, чтобы он на персидский трон мог всходить! Как я сказал, так и будет! Передайте Барбароссе: Король воров берет этот заказ. Сейчас мне пора идти, но завтра я загляну.

Он уже тронулся с места, но Оса преградила ему путь.

– Сципио, – проговорила она тихо. – Послушай. Может, ты и правда лучший вор в этом городе, даже лучше всех взрослых воров на свете, но если Барбаросса тебя увидит – на каблуках, со всеми твоими замашками под взрослого, – он тебя просто засмеет, и все.

Остальные смотрели на Сципио смущенно. Еще никто из них не отваживался говорить такое Королю воров прямо в лицо. Сципио застыл, не спуская с Осы неподвижного взгляда.

Внезапно лукавая, издевательская усмешка пробежала по его губам.

– А кто сказал, что Рыжая Борода меня увидит? – воскликнул он, надвигая маску на глаза. – Если он вздумает надо мной смеяться, я плюну ему в его круглую рожу и посмеюсь над ним вдвое громче, потому что он всего лишь жирный, жадный старикан, а я зато Король воров. – С этими словами он резко повернулся к Осе спиной и надменно зашагал прочь. – Завтра буду поздно, – бросил он через плечо.

И фигурку его тут же поглотили тени, столь густые и грозные в этом кинозале, что пламя даже многих свечей бессильно было их разогнать.

Ночью все мы малыши

Среди ночи, когда все уже спали, Проспер еще раз встал. Он набросил Бо одеяло на голые ноги, нащупал под подушкой свой карманный фонарик, торопливо оделся и, осторожно прокравшись мимо остальных спящих, направился к выходу. Риччио во сне беспокойно ворочался, Моска сладко посапывал в обнимку со своим морским коньком, а на подушке у Осы, уткнувшись мордочкой в ее каштановые волосы, притулился один из котят.

Распахнув дверь запасного выхода, Проспер даже вздрогнул – таким холодом дохнуло на него с улицы. В черном небе сияли звезды, а в черной воде под стенами кинотеатра отражалась луна.

На противоположном берегу все дома тоже стояли черные. Только в чьем-то одиноком окошке горел свет. «Вот еще кому-то не спится», – подумал Проспер. Широкие, стертые от времени каменные ступени вели к воде. Казалось, по этой лестнице прямо на дно канала можно спуститься. Все глубже и глубже, прямоком в иной мир. Однажды, когда они с Бо и Москвой сидели на берегу канала, Бо стал уверять, что эту лестницу наверняка построили водяные да русалки, и тогда Моска его спросил: как в таком случае они со своими рыбьими хвостами по этим осклизлым ступенькам взбираться будут? Проспер невольно улыбнулся, когда об этом разговоре вспомнил. Усевшись на самой верхней ступеньке, он смотрел на позолоченную лунным светом гладь воды. Зыбко и расплывчато отражались в ней очертания старинных зданий. Отражались точно так же, как и в незапамятные времена, когда Проспера еще не было на свете, и когда родителей его еще не было, и даже дедушки с бабушкой. Здесь, в Венеции, бродя по городу, он частенько проводил пальцами по стенам домов. Здесь даже камни совсем другие на ощупь, здесь все иначе. Иначе, чем где? Иначе, чем в его прошлом.

Проспер старался об этом не думать. Хотя домой не тянуло. Давно уже нет. Даже по ночам. Дом его теперь здесь. Город Луны принял их с Бо в свои объятия, как огромный и ласковый зверь, укрыл их в хитросплетениях своих переулков, околдовал своими диковинными запахами и шумами. И даже друзей для них припас. Так что Проспер никуда отсюда не хочет. Ни за что. Он уже так привык слышать повсюду плеск и хлюпанье воды, лижущей дерево и камень. Но что, если все-таки придется отсюда уезжать? И все из-за этого мерзкого типа с моржовыми усами.

Они с Риччио так и не успели рассказать остальным, как он за ними гнался. А ведь это опасность для всех них, потому что если уж сыщик обнаружит его и Бо, то, значит, он и их звездную обитель раскроет. И всех остальных найдет: Моску, который ни за что не хочет возвращаться к родителям, а те даже его не ищут, Риччио, по которому только его сиротский приют плачет, Осу, которая ничего о своей семье не рассказывает, потому что ей тяжело об этом вспоминать, и Сципио. Обняв коленки, Проспер зябко поежился. А что будет, если детектив, разыскивая их с Бо, на след самого Короля воров нападет? Это так-то они отблагодарят его за то, что он принял их под свое покровительство?

На мокрых ступенях валялся надорванный билетик на катер. Проспер бросил его в воду и смотрел теперь, как он, спланировав, уплывает по течению.

«Ничего не поделаешь, придется им о сыщике рассказать, – думал он. – Только как же устроить, чтобы Бо ничего не узнал? Бо, который чувствует себя здесь в полной безопасности и сразу же ему поверил, когда он сказал, что уж здесь-то, в Венеции, Эстер никогда их искать не будет».

В доме напротив в освещенном окне промелькнула чья-то тень. Потом свет погас. Проспер встал. Сидеть на каменных ступенях было холодно и мокро, он замерз.

«Прямо сейчас, пока Бо спит, – подумал он, – прямо сейчас я и расскажу остальным про этого усача. Может, после этого и Сципио все мысли о заказе Барбароссы из головы

выбросит. А может, – эту мысль Просперу совсем не хотелось додумывать до конца, – может, Сципио просто их выгонит. Что тогда?»

С тяжелым сердцем направился он обратно.

– Оса, проснись! – Проспер только чуть тронул ее за плечо, но Оса так испуганно вскинулась, что бедный котенок кубарем скатился с ее подушки.

– Что такое? – пробормотала она спросонок, энергично протирая глаза.

– Да ничего. Просто мне надо вам кое-что рассказать.

– Среди ночи?

– Да. – Проспер потянулся было, чтобы разбудить и Моску, но Оса его удержала.

– погоди, прежде чем всех-то будить, сперва мне расскажи: что стряслось?

Проспер посмотрел на Моску, который так самозабвенно зарылся под одеяло, что снаружи виднелась только самая макушка его коротко стриженной курчавой головы.

– Ладно. Риччио и так уже знает.

Они уселись рядышком на откидывающиеся сиденья киношных кресел, укрыв плечи одеялами. Отопление в кинотеатре давно уже отключили, как и свет, а от чугунных печурок, которые Сципио где-то раздобыл, в огромном зале тепла было немного.

Оса зажгла две свечи.

– Ну? – произнесла она, глядя на Проспера выжидательно.

– Когда мы с Риччио от Барбароссы возвращались, – Проспер укутался в одеяло до самого подбородка, – я с мужиком одним на улице столкнулся. Сперва я заметил только, что он как-то странно на меня уставился, и лишь потом обнаружил, что он за нами увязался. Ну, мы сперва спрятались, потом бегом к Большому каналу, на катере на другой берег переправились, чтобы от него оторваться. Но Риччио этого мужика узнал. Говорит, что он детектив. И, судя по всему, он за мной охотится. За мной и за Бо.

– Прямо настоящий детектив? – Оса недоверчиво покачала головой. – Я думала, такие только в кино да в книжках бывают. И Риччио твердо уверен?

Проспер кивнул.

– Правда, может, это он не за мной, а за Риччио гнался. Ты же знаешь, он никак не отучится воровать. Хотя нет. – Проспер вздохнул и тоскливо глянул на потолок, где, словно тучи, клубилась темень. – Конечно, он гнался за мной. Смотрел на меня так... Этот из-под земли достанет, да и тетка моя наверняка уже здесь, сидит где-нибудь в шикарном отеле и ждет, когда ей Бо приведут. Его она заберет с собой, а меня запихнут в интернат, и я буду видеться с Бо раз в месяц, ну и еще, может, летом на каникулы и на Рождество.

От страха на него вдруг накатила тошнота, да так сильно, что он скорчился, прижимая руки к животу. И даже зажмурился, стараясь избавиться от страха, но это, конечно же, ничуть не помогло.

– Да брось ты, как он вас тут разыщет? – Оса обняла Проспера за плечи и посмотрела на него сочувственно. – Кончай, не сходи с ума.

Проспер закрыл лицо руками. Сзади, в глубине зала, что-то забормотал во сне Риччио. Он всегда спит беспокойно. Будто на груди у него кто-то сидит и все никак не слезет.

Проспер снова выпрямился.

– Только Бо ничего не говори, ладно? Пусть и дальше думает, что мы тут в полной безопасности. Но Моска и Сципио должны все знать. В конце концов, у вас у всех будут крупные неприятности, если этот шпик нас здесь накроет...

– Ерунда! Никого он не накроет. – Оса энергично потерла нос. – Тут у нас укрытие что надо. Лучше не бывает. Вот черт. Похоже, я опять простужусь. Лучше бы этот Сципио вместо сахарных щипчиков да серебряных ложек где-нибудь приличную печку слямзил.

Проспер протянул ей свой скомканный носовой платок, и она благодарно кивнула.

– Риччио надумал волосы Бо перекрасить, а мне велит лицо вымазать сажей, чтобы этот тип нас не узнал, – продолжал Проспер.

Оса тихонько рассмеялась.

– Полагаю, будет достаточно, если я тебя просто постригу покороче, а вот насчет Бо мысль совсем неплохая. Скажем ему, что, если перекраситься в черный цвет, старухи не будут без конца трепать его по головке. Он этого терпеть не может.

– Думаешь, он на это купится?

– Если не купится на это, надо, чтобы Сципио ему сказал, будто знаменитых воров с белокурыми локонами не бывает. Ты же знаешь, если Сципио скажет ему «Лети!», Бо разбежится и попытается взлететь.

– Это точно. – Проспер улыбнулся, но где-то в глубине души ощутил острый укол ревности.

– Уж кому-кому, а Сципио вся эта история с детективом понравится. – Оса зябко потерла ладонями предплечья. – Его, правда, только одно огорчит: что этот детектив не его выслеживал. Вот, кстати, была бы для сыщика неплохая работенка: выяснить, где же этот Король воров ночует. Может, он по утрам с башен Дворца дождей спускается после ночи, проведенной в каком-нибудь уютном застенке? Интересно, он спит на самом верху, в *riombi*⁷, где прежде врагов Венеции оставляли подыхать от жары, или внизу, в *ponti*⁸, где их гноили сыростью? Ну вот видишь, все-таки я тебя рассмешила. – С довольной улыбкой Оса встала и мимоходом взъерошила Просперу волосы. – Завтра утром у нас будет новая прическа, – бросила она на ходу. – А теперь выброси этого своего детектива из головы.

Проспер кивнул.

– Значит, ты не считаешь, – спросил он нерешительно, – что мы подвергаем вас опасности? Не считаешь, что нам лучше уйти, Бо и мне?

– Чушь какая! – Оса даже головой тряхнула от возмущения. – Это еще с какой стати? Риччио то и дело полиция разыскивала. Что же, нам его из-за этого на улицу надо было выставить? Ясное дело, что нет. А Сципио? Разве он не подвергает нас опасности, когда совершает свои безумные кражи? – Оса потянула Проспера с его кресла. – Пошли, давай спать, – сказала она. – Господи, как же этот Моска храпит.

Проспер разделся и снова залез к Бо под одеяло. Но он еще долго не мог заснуть.

⁷ Букв. – «свинцы». Имеются в виду знаменитые «свинцовые чердаки» венецианских дворцов (*итал.*).

⁸ Мосты (*итал.*).

Послание

На следующее же утро Риччио отправился к Барбароссе передать тому ответ Короля воров. В точности, как поручил ему Сципио.

– Значит, берется? Вот и хорошо, клиента моего это весьма обрадует. – Рыжая Борода расплылся в довольной улыбке. – Но вам придется набраться терпения. Передать ему известие совсем непросто. У него даже телефона нет.

Два последующих дня Риччио проделывал путь до лавки Барбароссы зазря, зато на третий у Барбароссы наконец-то было для них известие, которого они так ждали.

– Мой клиент хотел бы встретиться с вами в соборе, в соборе Святого Марка, – объяснял Барбаросса, стоя перед зеркалом и крохотными ножничками подравнивая свою бороду. – Их сиятельство любит поиграть в таинственность, но в делах с ним никогда не бывает затруднений. Он уже продал мне пару очень недурственных вещей и цену всегда назначал вполне божескую. Только не задавайте ему лишних вопросов, он этого терпеть не может, ясно?

– Сиятельство? – благоговейно переспросил Риччио. – Он что же, граф или что-то вроде того?

– Разумеется. Надеюсь, Король воров умеет вести себя подобающим образом? – Барбаросса с важным видом выдернул волосок у себя из носа. – Стоит вам увидеть господина графа, у вас не останется сомнений в благородстве его происхождения. Фамилию свою он мне до сих пор так и не назвал, но сдается мне, что он из рода Валларессо. Многих отпрысков этой знатной фамилии судьба не слишком-то баловала. Поговаривали даже о страшном проклятье. Так-то вот. – Рыжая Борода подошел еще ближе к зеркалу, пытаясь выдернуть какой-то особенно непокорный волосок. – Как бы там ни было, но они из тех знатных семейств – ты сам знаешь, все эти Корреры, Вендрамины, Контарини, Венъери, Лореданы, Барбариги и как их там еще, – которые вот уже много столетий вершат судьбы этого города, а наш брат так никогда и не узнает, что тут к чему. Верно ведь?

Риччио только почтительно кивнул. Все эти фамилии, которые так запросто слетали сейчас с уст Барбароссы, он, конечно же, слышал и раньше, он знал дворцы и музеи, носившие эти знатные имена, однако людей, в честь которых они были названы, ему еще встречать не приходилось.

Рыжая Борода снова отступил на шаг назад и с удовлетворением изучал свое отражение в зеркале.

– Так вот, как уже было сказано, обращайтесь к нему просто «ваше сиятельство», и он будет доволен. Уж Король-то воров наверняка сумеет найти с ним общий язык – в конце концов, ваш предводитель тоже любит окружать себя покровом таинственности. Впрочем, при его ремесле оно и излишне. Верно?

Риччио снова кивнул. Он уже совсем извелся, дожидаясь, когда же толстяк снова перейдет к делу и на словах сообщит ему то, что он должен передать остальным. От нетерпения он уже переминался с ноги на ногу.

– А когда? Когда мы должны с ним встретиться в соборе? – спросил он, увидев, как Барбаросса снова подошел к зеркалу, принимаясь колдовать теперь над своими бровями.

– Завтра пополудни. В три. Граф будет ждать вас в первой исповедальне по левую руку. Только, чур, не опаздывать! Этот человек не просто точен, он сама пунктуальность.

– Заметано, – буркнул Риччио. – Три часа, исповедальня, не опаздывать. – И собрался уходить.

– Минуточку, минуточку, не торопись, голова ты ежовая! – Барбаросса нетерпеливым жестом снова подозвал Риччио к себе. – Передай Королю воров, что господин граф желает встретиться с ним лично. В сопровождающие он может взять себе кого угодно – хоть обезьян,

хоть слонов или вот вас, мелюзгу. Но сам он должен явиться непременно. Прежде чем ввести его в курс дела, граф желает сперва на него взглянуть. В конце концов, – тут лицо его приобрело обиженное выражение, – он даже меня ни в какие подробности не стал посвящать.

Последнее соображение Риччио как раз нисколько не удивило, однако, когда он услышал, что граф желает лицезреть Короля воров, сердечко его тревожно забилося.

– Это... Это... – начал мямлить он. – Сцип... Королю воров это совсем не понравится.

– Что ж, – Барбаросса равнодушно пожал жирными плечами, – тогда он не получит заказа. Желаю здравствовать, малыш.

– И вам того же, – пробормотал Риччио, высовывая отвернувшемуся Барбароссе язык, и с беспокойным сердцем поплелся восвояси.

Виктор ждет

Виктор сидел на площади Святого Марка в окружении сотен столиков, тысяч стульев и пил уже третью чашечку кофе-эспрессо. Без молока, зато с тремя кусочками сахара. В такой крохотной чашке трудно размешивать. А уж стоит здесь кофе столько, что об этом лучше вообще не думать. Вот уже больше часа он сидит на холодном, жестком стуле и разглядывает лица в нескончаемом людском потоке, что движется мимо столика. Разумеется, сегодня на Викторе нет бороды, в которой он был, когда на него налетел Проспер. От накладной бороды он на сей раз вообще отказался, зато нацепил на нос массивные очки с вправленными в них самыми обычными стеклами, – эти очки придавали ему вид человека малость ограниченного, но совершенно безобидного. Сейчас он с удовольствием осматривался по сторонам. Отменно, хвалил он себя, маскарад что надо: Виктор – турист. Большой зонтик, на пузе огромная фотокамера болтается. Это один из любимых его маскарадных нарядов. В обличье туриста он может сколько угодно фотографировать, не навлекая на себя ни малейших подозрений. Может спокойно влиться в одну из многочисленных экскурсионных групп, что толпами валят с прибывающих кораблей, и пять часов кряду шататься по городу, фотографируя все, что смахивает на старину или хоть чуть-чуть поблескивает позолотой.

«Да, вот так мне моя работа нравится», – размышлял Виктор, подслеповато шурясь на низкое осеннее солнышко. В его лучах окна собора так и сверкали, словно их стекла вот-вот расплавятся. Над фронтоном собора, устремленные к небу, расправляли свои золотые крылья ангелы, а под ними, прямо над главным входом, среди сотен сверкающих золотых звезд нежился крылатый лев.

Впервые вынырнув из узеньких переулков на площадь Святого Марка, люди, как правило, замирали в таком потрясении, будто ожидали увидеть подобную сказочную картину разве что во сне. Некоторые так и оставались стоять как заколдованные, словно твердо решив никогда в жизни больше отсюда не уходить. У других, пока они, за драв голову, глазели на посверкивающее стекло и льва среди звезд, лица становились совершенно детские, как будто они вновь стали малышами. И лишь очень немногие делали вид, будто вся эта немислимая красота несколько их не трогает, и с каменными физиономиями брели дальше, гордые и важные оттого, что их ничем на свете уже не проймешь. Виктор никогда не знал, жалеть ему этих зазнаек или бояться.

Пока он ложечкой, слишком изящной для его пальцев, помешивал кофе, несметные толпы людей все шли и шли на площадь Святого Марка, и Виктор терпеливо этих людей разглядывал, всех по очереди. Но двух лиц, которых он так ждал здесь увидеть, все не было. «Что ж, наверно, я слишком полагаюсь на свое везение», – подумал Виктор, прочистив нос, на ощупь уже угрожающе холодный, и успел заказать промчавшемуся мимо официанту еще одну чашечку кофе. Впрочем, сидеть здесь все равно куда лучше, чем носиться по городу, как он в последние дни. Он и в полиции побывал, и на вокзале, обошел сиротские приюты и больницы. Уж он и матросов, и кондукторов на катерах расспрашивал, и фотографию Бо и Проспера им под нос совал, в десятый и сотый раз скрежеща зубами от досады оттого, что все будто сговорились и в ответ только головами трясут. Если бы Проспер сам на него на улице не налетел, он бы, пожалуй, уже усомнился, да были ли братья вообще в Венеции.

Все, хватит. Виктор почувствовал, как от досады на себя за столь глупо упущенную возможность у него внутри опять вскипает желчь. Ну да, да, достаточно было просто схватить мальчишку. Хап! – и дело в шляпе. Ладно, проехали. Потехи ради Виктор посадил себе кофейную кляксу с ложечки на кончик носа. Мужчине за соседним столиком его забавы не понравились, он неодобрительно поглядывал на Виктора поверх газеты. Виктор скорчил ему гримасу и отер кончик носа рукавом. Ладно, хватит дурачиться. Самое время подумать о

заработке. Одна из его черепашек простудилась, то и дело чихает, бедняжка, а ветеринары нынче недешевы.

Прямо под стол Виктора просеменил голубь, один из тысяч голубей, которые заполнили всю площадь, и начал деловито теревить ремешок Викторова ботинка. А когда Виктор вывернул карман пиджака, вытряхивая оттуда хлебные крошки от сегодняшнего завтрака, голубь в знак благодарности какнул ему на мысок ботинка. Ну что за день!

Виктор испустил глубокий вздох и посмотрел на часы. Уже почти три. Самое время что-нибудь посуущественнее в себя загрузить, чем пустой кофе, подумал он и снова принялся обрабатывать платком свой холодеющий нос. И тут на другой стороне площади, возле столиков кафе, что напротив, он углядел шестерых ребятишек. Он обратил на них внимание, потому что они явно куда-то очень торопились, а у паренька, шедшего впереди всех, словно он их вожак, была на лице темная маска, придававшая ему сходство с хищной птицей. Они направлялись напрямик к собору. Была среди них и девочка, и один еще совсем маленький мальчуган, но не белобрысый. Виктор закрылся газетой и, стараясь остаться незамеченным, продолжал наблюдать. Худенький мальчишка с взъерошенными волосами, шедший сразу за вожак, почему-то показался ему знакомым, но не успел Виктор получше его разглядеть, как все шестеро разом исчезли, проглоченные огромной группой канадских туристов с ярко-красными рюкзаками. Казалось, этой оравой можно заполнить целый прогулочный катер.

– Да отойдите же вы, ротозеи несчастные! – прорычал Виктор, изо всех сил вытягивая свою короткую шею. Вон там, вон они снова, четверо мальчишек и девочка, не считая предводителя в маске. И среди них тот самый худенький парнишка, который показался ему знакомым. Черт подери, эта короткая щетина ежиком... ну конечно! Он вскочил. За свои четыре кофе он уже расплатился, детектив всегда платит сразу. В конце концов, нельзя же упускать злоумышленника из-за нерасторопности какого-то официанта! Нарочито неторопливой походкой Виктор двинулся к собору, выискивая себе столик поближе и краем глаза не упуская ребят из виду.

«Ну конечно же это он!» – окончательно уверился Виктор, от волнения поправляя на себе поддельные очки. Тот самый мальчишка, что был вместе с Проспером. А вон тот...

– Ну обернись же! – чуть слышно пробормотал Виктор, не спуская объектив своего фотоаппарата с темноволосого паренька, который как раз слегка отстал. Как заботливо он обнимает малыша за плечи... Да, должно быть, это он, Проспер... – Да взгляни же ты на меня! – зашипел Виктор. – Взгляни же сюда, Проспер, миленький, ну пожалуйста!

Вместо Проспера обернулась дама за соседним столиком и посмотрела на Виктора с опаской. Виктор смущенно ей улыбнулся. Когда же он наконец отучится разговаривать сам с собой?!

Ну вот, наконец-то! Темноволосый обернулся.

«Черт возьми, это он! – Виктор торжествующе за барабанил пальцами по столу. – Проспер, счастливчик. Похоже, счастье твое начинает тебе изменять, похоже, оно теперь к Виктору переметнулось. Волосы, значит, постриг? Мне очень жаль, но Виктора на такой трюк не купишь. А что же у нас с малышом, которого ты так по-братски обнимаешь? Он теперь жгучий брюнет, словно в чернильнице искупался».

Ну конечно, чернила, факт.

Виктор беззаботно напевал, с увлечением отщелкивая один снимок за другим – вот тебе собор, вот крылатый лев, а вот и оба братца как на ладони.

В Венеции каждый человек хотя бы раз в день, а на площадь Святого Марка зайдет. Надо просто терпения набраться. Терпение. Сидячее усердие. И счастье. Полные штаны счастья. Ну и, само собой, зоркий глаз.

Казалось, еще немного, и Виктор замурлычет, ну точь-в-точь как жирный сытый котяра.

Встреча в исповедальне

– Ну пойдем же, Бо! – торопил Проспер. – Уже почти три. Пошли!

Но Бо словно в землю врос перед грандиозным порталом собора: он не мог оторвать глаз от коней. Попадая на площадь Святого Марка, он всякий раз задира голову и смотрел на них. Четыре коня, огромные, золотые, они стояли там, наверху, норовисто били копытами и ржали. Бо всякий раз удивлялся, как это они еще не прыгнули и не убежали, до того взавправдашний у них вид, прямо как живые.

– Бо! – Проспер нетерпеливо тянул его за собой, продираясь сквозь скопище зевак, толпившихся у входа в собор и жаждущих взглянуть на его золоченые потолки и стены.

– Они такие разъяренные, – сказал Бо, все еще оборачиваясь.

– Кто?

– Золотые кони.

– Разъяренные? – удивленно переспросил Проспер, продолжая тянуть Бо за собой. – Это еще почему?

– Потому что их украли и притащили сюда насильно, – прошептал Бо. – Оса мне рассказывала. – И он покрепче ухватился за руку Проспера, чтобы не потеряться в толчее.

Пока они по переулкам ходили, ему было совсем не страшно, а здесь, на этой огромной площади, он все еще слегка робел. Он называл ее Львиной площадью, хотя прекрасно знал, что вообще-то у нее другое название, это только для себя он ее так окрестил. В течение дня здесь все, до последнего камня брусчатки, было отдано голубям и туристам. Зато ночью, Бо совершенно точно это знал, когда голуби устраивались на ночлег на окружающих крышах, а люди засыпали в своих постелях, площадь принадлежала только золотым коням и крылатому льву, что красуется в ореоле золотых звезд.

– Их не то тыщу, не то сто лет назад сюда притащили, – пояснил Бо.

– Кого? – спросил Проспер, протискиваясь мимо пары новобрачных, которые фотографировались на фоне собора.

– Да коней же! – Бо еще раз оглянулся, ища коней глазами, но отсюда их уже было не видно. – Венецианцы выкрали их из другого города, далеко-далеко отсюда, который они завоевали и разграбили. Оса говорит, венецианцы эти были когда-то очень воинственные и весьма могущественные. Все золото, которое здесь, в базилике, собрано, они скупили в обмен на свою военную добычу. Или украли. А уж потом наклеили его на потолок и стены.

– Во-первых, не базилика, а базилика, – поправил его Проспер. – И зовут их не венецианцы, а венецианцы. – Он бросил взгляд на огромный, голубой с золотом циферблат, украшающий Часовую башню на северной стороне площади. Без пяти три.

Сципио вместе с остальными уже ждали возле фонтана Львов перед боковым входом в собор. Сципио снял с себя маску и нетерпеливо вертел ее в руках.

– Наконец-то, – пробурчал он, когда Бо уселся рядом с ним на каменное ограждение фонтана. – Опять своих коней разглядывал?

Бо смущенно уставился себе под ноги. Оса купила ему новые ботинки. Великоваты чуть-чуть, но очень красивые. И теплые.

– Теперь слушайте! – Сципио жестом подозвал к себе остальных и понизил голос, чтобы никто из окружающих их не подслушал. – Я не хочу являться на эту встречу с целой свитой, так что делаем следующее: я сейчас туда захожу, Проспер и Моска идут за мной, остальные трое ждут здесь, у фонтана.

Бо и Риччио разочарованно переглянулись.

– Не хочу я здесь торчать! – У Бо уже подозрительно подрагивали губы. Оса хотела было в утешение погладить его по голове, но он обиженно отстранился.

– Бо правильно говорит! – воскликнул Риччио. – Почему всем нельзя пойти? Почему только Моска и Проспер?

– Потому что мы трое недостаточно хороши для свиты великого Короля воров, – язвительно пояснила Оса, прежде чем Сципио успел хоть что-то ответить. – Бо слишком маленький, тебе тоже больше восьми лет никто не даст, а я вообще девчонка, значит, вовсе ни на что не гожусь. Нет, мы трое только уроним его достоинство, над ним еще смеяться начнут, верно ведь, Король воров?

Сципио от ярости стиснул зубы. Ни слова не говоря, он с каменным лицом прошел мимо нее, направляясь к собору.

– Пошли, – бросил он на ходу Моске и Просперу, но те все еще колебались.

И только когда Оса сказала им:

– Да идите уж, – они последовали за ним.

Риччио, глядя им вслед, глотал слезы обиды, но Бо не выдержал и расхныкался, да так горько, что Проспер вынужден был к нему вернуться.

– Тебе же в базилике совсем не нравится, – шептал он. – Тебе там страшно, так что кончай капризничать. Оставайся тут, у фонтана, смотри, чтобы Осу никто не обидел, и никуда не уходи.

– Но это же скучища какая, – обиженно пробурчал Бо, поглаживая каменную лапу фонтанного льва.

– Проспер, ты идешь или нет? – нетерпеливо крикнул Сципио.

– Ну, пока, – шепнул Проспер. И вслед за Москвой и Королем воров исчез под темными сводами гигантского собора.

Когда Проспер вместе с братом впервые под этими сводами оказались, Бо сразу же прозвал собор золотой пещерой. Но все эти золотые мозаики с ангелами, королями и святыми, которыми испещрены были потолки и стены, светились только в определенное время дня, когда высоко стоящее солнце заглядывало в окна собора. Сейчас же все было темно. Казалось, все эти картины, составленные из бесчисленного множества блестящих маленьких стеклышек, не отражают, а, наоборот, поглощают скудный сумрачный свет, теряющийся в бездонных сводах. Свет и тепло остались там, на улице, словно сюда им путь заказан.

Ребята нерешительно двинулись по широкому центральному проходу, их шаги по каменным плитам гулко отдавались в окружающей тишине. Над головами их бездонно нависали купола, золотистое великолепие которых было укутано сейчас непроглядной тьмой. Среди мощных каменных колонн, поддерживающих эти невероятные своды, мальчишки казались себе такими крохотными букашками, что невольно жались друг к другу поближе. Сумрачный свет вокруг них, казалось, был пропитан тишиной, редким почтительным шепотом да шарканьем подошв по холодному камню.

– Где же здесь исповедальни-то? – прошептал Моска, боязливо озираясь. – Не так уж часто я здесь бываю. Не люблю церкви. Мне в них всегда жутковато.

– Я знаю где, – сказал Сципио, снова надвигая маску на лицо. И уверенным шагом, словно экскурсовод, не впервой показывающий диковинные чудеса собора туристам, двинулся вперед, увлекая за собой товарищей. Исповедальни обнаружились в сторонке, в боковом чертоге огромного храма. Первая слева ничем не отличалась от остальных, это была похожая на шкаф кабинка темного дерева, завешанная изнутри темно-красными занавесками и с дверцей посерединке, через которую в тесную каморку входил священник. Там он усаживался на узенькую скамью и принимал ухом к небольшому оконцу, через которое каждый желающий мог шепотом поведать ему про все свои грехи и таким образом облегчить душу.

Кающиеся грешники заходили в кабинку сбоку, и у этого входа, разумеется, тоже имелась занавеска, скрывавшая посетителя от посторонних глаз. Вот ее-то и отодвинул сейчас

Сципио. Сперва, прав да, он в последний раз поправил на себе маску и нервно откашлялся. Король воров изо всех сил старался показать, что ему все нипочем, но, устремляясь вслед за ним за занавеску, Проспер и Моска чувствовали, что сердце у него колотится от страха точно так же, как и у них.

Разглядев в темноте очень низенькую и узкую скамеечку, Сципио поколебался, но потом все же встал на колени. Только так можно было заглянуть в оконце и увидеть лицо того, кто укрылся за перегородкой исповедальни с другой стороны. Проспер и Моска встали у него за спиной, как верные оруженосцы. А Сципио, в темной маске и на коленях, прислушивался к тому, что творится за оконцем, наглухо задернутым шторкой.

– Похоже, его еще нет. Может, пойти взглянуть? – неуверенно предложил Моска.

Но в ту же секунду шторка колыхнулась и отодвинулась в сторону. Из тьмы, царившей в исповедальне, блеснули два глаза, огромные, круглые и светлые, вообще без зрачков. Проспер испуганно вздрогнул и лишь со второго взгляда сообразил, что это не глаза, а посверкивающие в полумраке стекла очков.

– В церкви не полагается ходить в маске, как и в шляпе, – раздался глухой хрипловатый голос, принадлежавший, судя по всему, глубокому старцу.

– Как не положено в исповедальне договариваться и о краже, – в тон ему возразил Сципио. – А мы, по-моему, именно для того и встретились, верно?

Просперу почудилось, что он услышал за оконцем короткий смешок.

– Так ты и вправду Король воров? – тихо поинтересовался незнакомец. – Так и быть, можешь оставаться в маске, если не хочешь показывать мне свое лицо. Я и так вижу, что ты еще очень юн.

Прямой, как свечечка, натянутый, как струна, Сципио не дрогнул.

– Это так. А вы, судя по голосу, очень стары. Разве возраст имеет какое-то значение в нашей сделке?

Проспер и Моска переглянулись. Сложением Сципио и вправду был еще мальчик, с этим он ничего поделать не мог, но изъяснялся он совсем по-взрослому и с такой легкостью, что это всегда приводило их в восхищение.

– Никоим образом, – тихо ответил старик. – Прошу простить мне, что удивился твоему возрасту. Когда Барбаросса рассказывал мне о Короле воров, я, признаюсь, и подумать не мог, что это мальчик лет двенадцати-тринадцати. Но не пойми меня превратно. Я совершенно того же мнения, что и ты: твой возраст в данном случае никакой роли не играет. Мне самому с восьми лет пришлось вкалывать как взрослому, хотя телом я был еще слаб и тщедушен, как ребенок. И никого это не волновало.

– В моем ремесле хрупкое телосложение даже к выгоде, ваше сиятельство, – заметил Сципио. – Мне ведь так вас называть?

– Можешь называть меня так, да. – Незнакомец откашлялся. – Как уже рассказал тебе Барбаросса, я разыскиваю человека, который помог бы мне раздобыть одну вещь. Вещь, которую я искал много лет и наконец нашел. Но, к величайшему моему сожалению, ею владеет в настоящее время одна незнакомка. – Старик еще раз откашлялся. Очки прильнули к оконцу совсем близко, и Просперу показалось, что он слабо различает за ними черты лица. – Уж коли ты величаешь себя Королем воров, то, стало быть, тебе уже случалось, должно быть, проникать в знатные дома здесь, в городе, и не попадаться, верно?

– Конечно. – Сципио незаметно потер затекшие колени. – Я еще ни разу не попадался. А из знатных домов города я каждый второй знаю изнутри. Хоть меня туда и не приглашали.

– Так-так. – Сильные, хотя и усеянные темными старческими пятнами пальцы поправили очки. – Хорошо, тогда, думаю, мы договоримся. Дом, который тебе придется ради меня навестить, находится на Кампо Санта-Маргарита, номер четыреста двадцать три, и принадлежит некоей синьоре Иде Спавенто. Дом не особенно богатый, но как-никак со своим

садом, хотя и крохотным. Как ты знаешь, свой сад в Венеции все равно что сокровище. Здесь, в исповедальне, я оставлю для тебя конверт, в котором ты найдешь все сведения, необходимые для выполнения задания: чертеж дома, некоторые пояснения относительно самого предмета, который тебе следует выкрасть, а также фотоснимок этого предмета.

– Очень хорошо. – Сципио кивнул. – Это весьма пригодится и сэкономит время моим помощникам. Теперь пора поговорить об оплате.

И опять Проспер услышал, как старик тихонько засмеялся.

– Ты, я вижу, парень деловой. Ваш гонорар составит пять миллионов лир и будет выплачен немедленно, как только вы доставите мне товар.

Моска с такой силой сжал Просперу руку, что тот от боли чуть не заорал. Сципио какое-то время молчал, а когда снова заговорил, голос его звучал сдавленно.

– Пять миллионов, – произнес он медленно. – Что ж... цена приемлемая.

– Больше я не смог бы тебе заплатить, даже если б хотел, – ответил граф. – И ты сам убедишься: то, что ты должен украсть, имеет ценность для меня одного, эта вещь не из золота и не из серебра, а всего лишь из дерева. Так как, договорились?

Сципио набрал в грудь побольше воздуха.

– Да, – сказал он наконец. – Договорились. Когда вы хотели бы получить товар?

– Так скоро, как позволит тебе твое воровское искусство. Я старый человек и хотел бы положить конец своим долгим поискам еще при жизни. И у меня в жизни не осталось других желаний, кроме как поддержать в руках то, что ты обязался для меня похитить.

Сколько же тоски прозвучало в этот миг в его голосе!

«Что бы это могло быть? – лихорадочно размышлял Проспер. – Какое такое чудо, чтобы так по нему изводиться? И ведь это всего лишь вещь, неодушевленный предмет. Возможно ли так тосковать по чему-то неживому?»

Сципио кивнул, задумчиво глядя в темный проем оконца.

– В случае успеха – как мне известить вас? – спросил он. – Барбаросса сказал, что вас очень трудно разыскать.

– Это верно. – Из темноты опять донеслось покашливание. – Все, что нужно, ты найдешь в этой исповедальне, как только я уйду. После того как я задерну штору, пожалуйста, сосчитайте до пятидесяти, а уж потом заберете то, что я вам оставлю. Я тоже люблю оберегать свои тайны, только мне, к сожалению, никакая маска не поможет. Известите меня об успехе нашего предприятия, и на следующий день получите через Барбароссу от меня ответ, в котором я вам сообщу, когда именно вы передадите мне добычу, а я вам деньги. Место же я вам лучше назначу прямо сейчас, а то Барбаросса большой любитель вскрывать чужие письма, я же хотел бы эту сделку совершить без него. Так что запоминай хорошенько. Мы встретимся в следующий раз на Сакка делла Мизерикордия – это маленькая бухта на севере города. Другие подробности будут сообщены тебе позднее – в свое время. Если тебе эта бухта незнакома, не беда, ты без труда найдешь ее на любом плане города. Желаю тебе удачи, Король воров. Сердце мое так стосковалось по тому, что ты взялся для меня добыть, что от тоски все иссохло.

И резким движением граф задернул штору. Сципио встал с колен и прислушался. Мимо исповедальни, шаркая ногами, тянулась группа туристов, слушая экскурсовода, который приглушенным голосом талдычил им про мозаики.

– Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят! – закончил считать Моска, когда группа наконец прошла, а голос экскурсовода почти заглох вдаль.

Сципио бросил на него насмешливый взгляд.

– Быстро же ты считаешь, – сказал он и откинул занавеску. Осторожно, один за другим, они вышли из кабинки. – Взгляни ты, Проспер, – прошептал Сципио, сам же вместе с Моской тем временем заслонил вход в исповедальню.

Проспер нерешительно отворил дверцу, предназначенную только для священников, и юркнул внутрь. На узкой скамеечке под оконцем он обнаружил конверт с сургучной печатью и корзину с плетеной крышкой. Когда Проспер поднял корзину, в ней что-то зашебаршило. От испуга он чуть не выронил корзину из рук. Сципио и Моска тоже с крайним изумлением на него уставились, когда он со своей находкой вышел из исповедальни.

– Корзина? Это еще что за новости? – недовольно прошептал Моска.

– Не знаю, только там кто-то шевелится. – Проспер осторожно приподнял крышку, но Моска испуганно тут же ее захлопнул.

– Да погоди ты, – зашипел он. – Шевелится, говоришь? А вдруг там змея?

– Змея? – Сципио презрительно рассмеялся. – С какой стати граф станет подсовывать нам змею? Наслушался всяких приключений, про которые Оса вам читает. – Он приложил к крышке ухо. – Смотри-ка, и вправду шуршит. Но и стучит вроде, – проговорил он. – Кто-нибудь из вас слышал про змей, которые умеют стучать?

Сципио нахмурил лоб и осторожно приоткрыл крышку ровно настолько, чтобы туда заглянуть.

– Вот черт! – изумился он и быстро захлопнул крышку. – Там голубь!

Выведал!

«И что им в соборе понадобилось?» – терялся в догадках Виктор, наблюдая, как Проспер, Моска и Сципио скрылись под сводами бокового портала. Предположение, что они вздумали полюбоваться мозаиками, он отбросил как заведомо невероятное. «Надо надеяться, они хотя бы не обкрадывают туристов, – подумал Виктор. – Иначе еще придется вытаскивать этого Проспера из полиции. Хотя, впрочем, Эстер Хартлиб, наверное, это будет совершенно все равно. Даже наоборот, только докажет, насколько проницательна она была в своем не слишком-то лестном мнении о старшем племяннике. Вот если младшего на краже застукают, это будет для нее тяжкий удар».

Малыш... Виктор украдкой глянул поверх газеты в сторону фонтана Львов. Проспер оставил младшего брата на попечение девчонки и Ежика. Видно, он обоим доверяет, иначе ни за что бы своего драгоценного братца не бросил. Девчонка о чем-то говорила с Бо, похоже, пыталась его рассмешить, но малыш довольно угрюмо смотрел в сторону. Впрочем, как и Ежик. Тот вообще уставился в чашу фонтана, словно надумал сию секунду утопиться.

«Что же делать? – лихорадочно соображал Виктор. Нахмурившись, он сложил газету. – Конечно, можно схватить мальчика прямо сейчас. Но я не успею даже свое удостоверение детектива раскрыть, а меня уже растерзают, приняв за похитителя малолетних детей. Нет, слишком уж много народу».

Виктор не признавался себе, но была и другая, совершенно неуважительная, дурацкая причина, по которой он не хотел сейчас задерживать мальчишку. Конечно, это сущая глупость, но он представил себе, что почувствует Проспер, выйдя из собора и не обнаружив своего младшего братца, – и не мог причинить парню такую боль.

Виктор только головой покачал и вздохнул.

«Не надо было мне браться за это дело, – подумал он. – Ну куда это годится? Если уж в прятки играть, то без пощады. А когда в догонялки и ловилки играешь – тем более. Все, хватит... Ничего, ты их обязательно поймаешь, – утешил его тихий голос где-то внутри. – Но не здесь, где столько свидетелей, а по-тихому. Чтобы все шито-крыто. Такие вещи с кондачка не делаются, тут тщательная подготовка нужна».

– Вот именно, – буркнул Виктор. – Для начала надо кое-какие данные собрать. Например, об этой детской банде, в которую эти двое братцев втянулись.

Поглубже надвинув на лоб шапочку-бейсболку и удостоверившись, что пленки в аппарате еще достаточно, он ленивым шагом двинулся на огромную площадь. Но не слишком далеко, а ровно настолько, чтобы Бо от своего фонтана Львов мог его заметить.

Затем Виктор купил у одного из лоточников, которых на площади всегда пруд пруди, пакетик кормовой кукурузы, пересыпал зерна себе в карманы и, набрав в каждый кулак по пригоршне, широко раскинул руки.

– Гули-гули-гули-гули! – заворковал он, расплываясь в одной из самых беззаботных своих улыбок. – Ну, идите, идите же сюда, мои маленькие обжоры! Только, чур, на рукава не гадить!

Ну, они и налетели. А то нет. Целая стая голубей взмыла в воздух, просто туча серо-сизых голубиных перьев и желтых клювов. Шурша и свистя бесчисленными крыльями, туча устремилась на Виктора и накрыла его с головой – голуби садились на руки, на плечи, даже на макушку и уже начали с любопытством поклевывать его шапочку. М-да, приятного мало. Виктор в который раз вспомнил, что немного побаивается всего, что этак вот порхает да вдобавок еще и клюется. Но как иначе привлечь внимание пятилетнего мальчугана?

Так что Виктор продолжал стоять, раскинув руки, глупо улыбался, гулькал и краем глаза наблюдал за ребятами у фонтана.

Ежик тем временем, надувшись, отсел в сторонку и с мрачной физиономией глазел на людскую толчею. Девчонка уткнулась в книгу. А Бо просто скучал.

– Ну погляди же сюда, малыш! – шептал Виктор, с отвращением чувствуя, как голуби топчутся прямо по голове. – Ну же, повернись и взгляни на идиота, который специально ради тебя пугало огородное из себя строит.

Бо от скуки подергал себя за крашенные волосы, почесал нос, зевнул... и тут внезапно заметил Виктора. Увидел эту ходячую голубятню. Бросив быстрый взгляд на девчонку, убедился, что она всецело поглощена книгой, и соскочил с фонтанного бортика.

Ну наконец-то! Виктор даже застонал от радости и набрал в ладони, уже напрочь исклеванные голубиными клювами, новую порцию зерен. Бо подходил к нему потихоньку, нерешительно. Изредка оглядываясь на своих товарищей, он протиснулся мимо трех девчонок, которые с визгом отгоняли голубей, норовивших угнездиться у них в волосах, и вот, склонив голову набок, остановился перед Виктором.

Когда один из голубей, свесившись с козырька Викторовой бейсболки, начал клевать стекла его поддельных очков, Бо захихикал.

– Buon giorno⁹, – сказал Виктор, сгоняя обнаглевшего сизаря со своей головы. На смену ему, впрочем, тут же прилетел другой.

Бо прищурился и склонил голову в другую сторону.

– А не больно?

– Что?

– Ну, когти. И когда они тебе по очкам клюют. – По-итальянски этот малыш говорил, пожалуй, почти так же хорошо, как сам Виктор.

Виктор передернул плечами, голуби испуганно взлетели с них и тут же опустились обратно.

– Да нет, – пробормотал он. – Не особенно. Люблю, когда они вот так порхают. – Господи, какая же подлая, бессовестная, трижды гнусная ложь! Но по части вранья Виктор всегда был мастак. Еще когда мальчишкой был. Ростом-то он не вышел, так что умение врать частенько его выручало. – Знаешь, – доверительно сказал Виктор не спускавшему с него глаз малышу, – когда они вот так вокруг меня крыльями машут, мне кажется, будто я и сам сейчас взлечу. Высоко-высоко, прямо до золотых коней.

Бо повернулся и, задрав голову, посмотрел на коней, что норовисто били копытами на портале собора.

– Ага. Классные, правда? Вот бы хоть разок на них посидеть. Оса говорит, они им головы отрезали, чтобы сюда притащить. Ну, когда украли. А потом, когда обратно приклеивали, перепутали, какую куда.

– Вот как? – Виктор неожиданно чихнул: голубиный пух залетел ему прямо в нос. – Вообще-то, по-моему, головы у них вполне на месте. Но это все равно копии. Настоящие-то давно в музее, чтобы соленый воздух их вконец не разъел. А ты любишь голубей?

– Не особенно, – ответил Бо. – Больно их много. К тому же брат говорит, если их руками трогать, глисты будут. – Он засмеялся. – А этот вон уже тебе на плечо накакал.

– Черт! Вот проклятые твари! – Виктор с такой яростью замахал руками, что голуби разлетелись. Продолжая чертыхаться, он оттирал теперь птичий помет с плеча старой салфеткой. – Значит, это тебе брат сказал? Похоже, он хорошо за тобой следит.

– Ага. Иногда даже немного чересчур. – Бо следил глазами за голубями, что все еще кружились в воздухе, потом оглянулся на фонтан Львов, где девчонка по-прежнему не отрывалась от книги, а Ежик от нечего делать болтал теперь рукой в грязной воде фонтанной чаши. Успокоенный, он снова повернулся к Виктору. – А можно и мне немножечко корма?

⁹ Добрый день (итал.).

– Конечно. – Виктор полез в карман и сыпанул в маленькую ладошку немного зерен.

Бо осторожно вытянул руку и тут же испуганно вжал голову в плечи: на его руку мгновенно опустился голубь. Но когда птица начала склевывать зерна, Бо рассмеялся. И столько неприкрытой радости было в этом смехе, что Виктор в первую секунду вообще забыл, зачем он тут стоит и этот дурацкий птичий корм в руках мусолит. И только химический запах лака для волос, когда мимо него процокала на каблучках молодая женщина с недовольным, брезгливым лицом, напомнил ему о цели задуманного предприятия.

– Зовут-то тебя как? – равнодушным голосом поинтересовался Виктор, снимая с рукава голубиное перышко.

«Может, я вообще обознался, – подумал он. – Эти круглые детские мордашки все одинаковые, как десяток яиц в упаковке. И волосы у него, может, не покрашенные чернилами, а настоящие. Может, просто мальчишка как мальчишка, пришел сюда с друзьями, а вечером уже вернется домой, к маме. По-итальянски-то и вправду уж больно хорошо чешет».

– Меня? Меня зовут Бо. А тебя? – Голубь как раз ковылял по его руке от локтя к плечу, и Бо опять захихикал.

– Виктор, – ответил Виктор. И готов был сам себя по щекам отхлестать. Ну почему, черт и дьявол его подери, он назвал мальчишке свое настоящее имя? Или эти проклятые голуби последние остатки разума у него склевали? – А не рановато тебе, Бо, в такой давке одному разгуливать? – спросил он как бы между прочим, ссыпая в ладошку Бо очередную порцию зерен. – Родители-то не боятся, что ты потеряешься?

– Так брат же со мной, – беззаботно ответил Бо, с восторгом наблюдая, как на плечо ему садится второй голубь. – И друзья. А ты откуда? Из Америки? Ты как-то чудно говоришь. Ты ведь не венециан, верно?

Виктор осторожно ощупывал нос. Похоже, все-таки и в нос успели клюнуть.

– Нет, – ответил он, поправляя шапочку. – Я то там поживу, то тут. Всюду понемножку. А ты-то откуда? – Виктор глянул в сторону фонтана. Девчонка подняла голову и уже встревоженно озиралась.

– Издалека, – уклончиво ответил Бо. – Но сейчас живу здесь.

Это «издалека» он произнес нараспев и протяжно, словно давая Виктору понять, насколько далеко находятся те края, откуда он приехал.

– Здесь гораздо лучше, – добавил он, с улыбкой разглядывая голубей у себя на руке. – Повсюду крылатые львы, и драконы, и ангелы. Проспер говорит, они берегут Венецию и нас тоже, но особо беречь-то нас не от чего, ведь машины тут не ездят. Потому и слышно все лучше. И воду, и голубей. И не надо бояться, что тебя раздавят.

– Что правда, то правда. – Виктор еле удержался от усмешки. – Надо только следить, как бы в канал невзначай не свалиться. – Он обернулся. – Это твои друзья вон там, у фонтана?

Бо кивнул.

– По-моему, девочка тебя уже ищет, – сказал Виктор. – Помаши ей, чтобы зря не волновалась.

– Это Оса. – Бо помахал свободной от голубей рукой.

Девчонка, успокоившись, снова села на бортик фонтана. Но книжку захлопнула и уже не спускала с Бо внимательных глаз.

Виктор решил еще раз изобразить голубиный насест. Так лучше всего отвести от себя любые подозрения.

– Я живу в гостинице, прямо на Большом канале, – доверительно сообщил он, снова подставляя ненасытным птицам голову и плечи. – А ты?

– А я в кино. – Бо испуганно дернулся, когда один из голубей чуть было не уселся ему прямо на волосы.

– В кино? – Виктор глянул на него недоверчиво. – Вот это да. Выходит, ты целый день можешь фильмы смотреть.

– Да нет, не получается. Моска говорит, без проектора нельзя, а его там нет. Да и кресел почти не осталось. И экран всюду моль проела, он теперь тоже ни на что не годится.

– Моска? Это что, один из твоих друзей? Ты, вы ходит, с друзьями живешь?

Бо с гордостью кивнул:

– Ага, мы все вместе живем.

Виктор смотрел на него в задумчивости: «Неужто правда? Или этот гномик так здорово меня разыгрывает? И пока я на его ангельское личико любуюсь, рассказывает мне всякие небылицы. Горстка детей, что живут совсем одни, без взрослых? Вообще-то такое бывает. Но на вид по ним не скажешь, что они голодают и под мостом ночуют. Ну да, коленки на штанишках у Бо заштопаны, и не сказать, чтобы очень умело, и пуловер на нем тоже не идеальной чистоты, но таких мальчишек сколько угодно. В любом случае этому малышу кто-то регулярно расчесывает волосы и моет уши. Его брат? Надо попробовать еще что-нибудь у него выведать», – подумал Виктор и опустил руки. Голуби разочарованно взмыли в воздух, а Виктор потер зудящие плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.